

РАЗДЕЛ 1. ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ ДЛЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

У.Ж. АЛИЕВ

Какой мейнстрим может (должен) быть первоосновой развития экономической системы России и Казахстана?

В начале проведем краткий тематический анализ конференции по аналогии Дж.Холтона. Итак, тема конференции: **«Экономическая система современной России: пути и цели развития»**. «Объектом» обсуждения выступает экономическая система России. Тут сразу возникает вопрос: сложилась ли в России (и Казахстане, поскольку экономический строй этих стран очень схож) полноценная, устойчивая национальная экономическая система, основанная на своей собственной первооснове как объект экономической науки? Думаю, пока еще нет.

«Предметом» же обсуждения выступают «пути и цели развития» экономической системы России. Только, кажется, «пути и цели» здесь перепутаны (переставлены) местами. Ведь «путь» (средства достижения цели) определяется самой «целью», а не наоборот, т.е. какова цель, таков и должен быть путь (средства). «Цель, для которой требуется неправые средства, не есть правая цель» (К.Маркс).

В качестве «метода» освоения указанных объекта и предмета организаторы конференции справедливо брали науку, в данном случае экономическую науку, сформулировав ее в основных направлениях работы конференции следующим образом: «роль в современной мире политической экономии и экономической теории в целом». Только, что означает «экономическая теория в целом»? Дело в том, что она как самостоятельная научная и учебная дисциплина *предметно* не самоопределилась. Кроме того, вышеприведенное выражение заранее предполагает «вхождение» политической экономии в структуру беспредметной «экономической теории в целом». Так ли это?

Не вдаваясь в детали, выскажу свои соображения следующего характера. Для меня самого «старой», вполне институционализированной экономической наукой выступает достославная «политическая экономия», четырехсотлетие (1615 г.), которое, будем надеяться, не останется незамечанным мировым политэкономическим сообществом в следующем году. «Менее старая» теоретическая экономическая наука – это «каталлактика» (1831 г.), правопреемником которой является вездесущий «экономикс» (1871 г.) – в перелицованном виде сегодняшняя так называемая «экономическая теория». А самой «новой» общетеоретической экономической дисциплиной, по моему мнению,

выступает «теоретическая экономия» (теоретическая эконмика) как синтез «общей экономики» (1992 г.), «каталлактики» (экономикс, но не экономтеории) и «социальной экономии».

При этом и политическая экономия, и экономикс, и теоретическая экономия получают свое сущностное выражение в соответствующих мейнстримах (основных течениях), а именно: политическая экономия в «российско-советском мейнстриме», экономикс в «западном мейнстриме», теоретическая экономия, предположительно, в «евразийском мейнстриме». Возникает однако основной вопрос: «Какой из вышеназванных экономических мейнстримов может (должен) обеспечить эффективное функционирование и устойчивое развитие мирового хозяйства в будущем, в том числе национальных экономик России и Казахстана?». Ответ – «евразийский мейнстрим» (выражение «евразийский мейнстрим» был заимствован мной у профессора МГУ им. М.В.Ломоносова А.А.Олейникова, хотя содержательно «его» и «мой» «евразийский мейнстрим» кардинально отличаются друг от друга).

«Евразийский мейнстрим» потенциально (возможно в большей части еще гипотетически) и актуально характеризуется, главным образом, гуманистической направленностью мирового человеческого сообщества, социализацией национальных (и мировой) экономик, гармонизацией общественных и, в первую очередь, социально-экономических отношений. Впрочем, все это осуществится лишь при одном условии: если человечество осознает в конце концов апокалиптичность и эсхатологичность господствующего ныне рыночного фундаментализма, который выражает интересы исключительно мировой и национальной капиталократии и клептократии.

В.А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

О возможных путях вывода социологии и ее ядра – политической экономии из состояния глубокого кризиса, или О видах человеческого общества на будущее

Я принадлежу марксистской школе социологии. Под последней понимаю обществоведение, впервые возведенное О.Контom в ранг естественной науки, которая возвышается над физикой, химией, биологией, предметы которых – это досоциальные исторически возникшие одна над и после другой формы организации и эволюции материи. Я диалектик и материалист. И полагаю, что нет другой такой школы социологии, которая превзошла бы или опровергла идеи диалектико-материалистического понимания истории. Общество во избежание своей гибели обречено на вечное приспособление к

меняющейся окружающей среде (производительным силам общества) – меняющейся и в результате, и вне зависимости от воли и действий людей.

А вот маржинализм и экономикс возникли в пику марксизму с целью дезавуировать идеи социальной диалектики, скрыть идеи трудовой теории стоимости, а вслед за ней и классовую теорию прибавочной стоимости.

Парадокс в том, что сталинская школа социологии, известная как «марксизм-ленинизм», точно так же выхолостила социологию, освободила ее от категорий социальной диалектики применительно к социализму и коммунизму, которые рассматриваются как адиалектические общества пусть различий, но только не обществ имманентных им социально-экономическим противоречиям.

В этом же ряду стоит факт изгнания из англоязычной литературы термина *политическая экономия*, который подменяется аполитичным *экономикс* даже по отношению к учению А.Смита.

Конечно, оставаться в 21 в. только на позициях аутентичного марксизма недостаточно. Осмысление истории 20 в. заставляет принять во внимание при выполнении социологических исследований следующее.

1. Помимо классовой формы поляризации общества объективными интересами противоположной направленности существует неклассовая форма поляризации, без деления общества на противостоящие группы людей. Примером неклассового полюса является социальный носитель общих (common, коммунистических) интересов человечества, объективно имеющих наивысший приоритет среди всех прочих интересов людей.

2. Без признания *неклассовых форм поляризации общества* невозможны результативные методы борьбы *носителей общих интересов* тех или иных общностей людей в общественных процессах, усекаются возможности инструментария социологов, стремящихся всё свести лишь к столкновению интересов больших *групп людей*, антагонизмам и революциям.

3. В силу сохраняющейся ячеистой организации человечества как суверенных стран важную роль играют их общенациональные интересы. Реальные национальные интересы нетождественны интересам человечества, но лежат с ними в одном русле, а не поперек или противотоком им.

4. Путь предстоящего развития всякого общества состоит из огромного веера возможностей и фатально не предопределен. Лежащий в основании социологической науки детерминистский принцип естествознания 19 в. следует дополнить своей диалектической противоположностью индетерминизма и стохастичности развития (парадигма И.Р.Пригожина). Выживают и добиваются успеха общества, где власть умеет адаптироваться к меняющимся условиям существования общества и подкреплена системой общественного контроля за властью (институтами гражданского общества), принуждая ее служить интересам общества.

5. Часто социологи видят человеческое общество *моноформационным, моноукладным*, полагая это нормой. А ведь современные успешные общества поняли, что они *многоукладны и полиформационны*. Экономически неконкурентноспособные и недотируемые уклады тихо отмирают, зато власть не ставит препон нетрадиционной производственной самоорганизации граждан и образованию новых укладов производства. Ленинская *коренная нэповская перемена точки зрения на социализм*, не понятая советскими коммунистами, успешно реализуется в КНР.

6. Сегодня стала недостаточной 2-частная модель общественного производства с подразделениями производств средств производства (I) и жизненных средств (II). Прошел уже век как институционалисты забили в набат (а сегодня в него бьет А.В.Бузгалин) о бессмысленности показушного потребления праздными классами, породившими *III подразделение* производства пустышек – симулякров. Но еще более опасным становится мощно разросшееся *IV подразделение* – производство средств уничтожения людей и среды их обитания.

И последнее. Через несколько лет мы будем отмечать 200-летие со дня рождения К.Маркса и Ф.Энгельса. Убежден, что мы многое можем и должны сделать, чтобы достойно встретить эти даты. Во благо России и всех землян.

В.А. БАЗЖИНА, Е.А. ДРАГОМИРОВА

**Экономическая составляющая инженерного образования в контексте
экономического роста**

Одной из проблем, которые стоят перед Россией на пути экономического роста, является проблема экономического образования, в том числе для неэкономических направлений подготовки. В первую очередь речь идет об экономической составляющей в инженерном (техническом) образовании. Базой для последующего изучения на старших

курсах специальных экономических дисциплин служит курс «Экономической теории» («Экономики»). Рассмотрим особенности и противоречия в части преподавания данного курса как социо-гуманитарной дисциплины:

1. Отсутствие обязательности дисциплины «Экономика» в стандартах различных направлений подготовки. В то время как ГОС ВПО второго поколения предусматривали дисциплину «Экономика» в качестве обязательной для всех специальностей, в ФГОС ВПО третьего поколения неэкономических направлений она не всегда входит в перечень базовых обязательных дисциплин (федеральный компонент). В частности, в СПБПУ только порядка 60% образовательных стандартов технических направлений подготовки бакалавров включают дисциплину «Экономика» в различных ее проявлениях как обязательную. Ряд выпускающих кафедр по остальным 40% направлений включают данную дисциплину в вузовский компонент, но не все.

2. Различие в количестве часов, а так же в названиях дисциплин. Так, например, в большинстве случаев теоретические основы экономики изучаются в рамках дисциплины «Экономика», но также встречаются названия «Экономическая теория», «Основы экономической теории» и «Основы экономических теорий». Но даже если «Экономика» (в любой терминологической трактовке) включена в учебные планы, то, студенты разных направлений будут получать разный объем базовых экономических знаний. В целом сейчас экономической теории уделяется значительно меньше места в учебных планах, чем раньше.

3. Сложность организации учебного процесса. Первые два противоречия накладываются на, то, что в техническом вузе, как правило, осуществляется большое количество направлений подготовки. Это приводит к тому, что, с одной стороны, организация учебного процесса направлена на укрупнение лекционных потоков, а с другой - стандарты по всем направлениям предусматривают различное количество часов на освоение дисциплины. В редких случаях научно-методические советы институтов в рамках технического вуза стараются прийти к некой единой концепции по количеству академических часов на освоение дисциплины хотя бы в рамках потоков, тем не менее, такая практика носит селективный характер.

4. Методика преподавания. Здесь проблемы связаны с изменением требований к процессу подготовки бакалавров, предусмотренных как образовательными стандартами, так и изменениями собственно внешней среды и особенностей самих обучающихся. Наиболее существенным методическим затруднением является выбор инструментов для привлечения внимания студентов к дисциплине, которую они традиционно воспринимают как непрофильную.

5. Организационные и методические противоречия, несомненно, затрудняют процесс обучения студентов неэкономических направлений, но наиболее противоречивым является обсуждение содержательной части преподаваемого курса теоретической экономики. Переход от жестких образовательных стандартов к более гибким, с одной стороны, дает определенную долю свободы при составлении образовательных программ, с другой – не всегда данная свобода приводит к нужному результату. По ряду направлений разработчики стандартов разрабатывают в том числе и примерную ООП, в которой перечисляют, насыщенные конкретными содержательными рекомендациями дисциплины. При этом, как правило, составителями являются специалисты в области естественных и технических наук, поэтому аспекты мультиконцептуальности в экономической теории не затрагиваются. Общепринятым на сегодняшний день содержанием «Экономики» является утилитарная концепция неоклассического синтеза, которая уже не решает острые социально-экономические проблемы, стоящие перед обществом. Мироззрение будущих специалистов, заложенное данной концепцией, не может способствовать росту эффективности отечественной экономики. Возникает много вопросов: какие теории следует преподавать, целесообразна ли единая концепция преподавания экономической теории или каждый вуз должен придерживаться позиции своих научных школ и др.?

Несомненно, «Экономика» в рамках программ инженерных (и других неэкономических) направлений не является центральной, в то же время необходимо учитывать факт, что современное инженерное образование должно иметь социальную направленность. Если учесть, что «Экономика» в системе подготовки современного специалиста выполняет ряд важнейших функций - мировоззренческую, социальную, познавательную, практическую, профессиональную, коммуникативную, методологическую - пренебрежение к проблемам, возникающим при организации данного курса, является недопустимым. Очевидно, что назрела объективная необходимость пересмотра организационных, методологических и содержательных основ курса экономики, что должно стать предметом конструктивного диалога ведущих ученых-теоретиков, преподавателей, организаторов и руководителей учебного процесса.

В.М. БОНДАРЕНКО

**Политическая экономия, как сущностная неотъемлемая часть нового
трандисциплинарного знания и ее новая роль для решения проблем развития
экономики России и мира**

Тайна политической экономии, как ее трактовал Л.И. Абалкин и я полностью ее разделяю, заключается в раскрытии природы отношений между людьми, в механизме согласования их интересов и их связи с производительными силами во всем их многообразии, а также в их связи с другими сферами общественной жизни.

Более тридцати лет назад при попытке объяснить противоречия, имеющиеся в экономике СССР, я столкнулась с тем, что существующие в то время экономические теории, а уж сейчас тем более, исчерпали свои объяснительные возможности в поиске путей преодоления негативных и кризисных явлений. Но также стало ясным и то, чтобы решить эти проблемы, необходимо было, говоря марксистской политико-экономической терминологией, найти единственно возможную форму производственных отношений и адекватных ей новых производительных сил. С тех пор мною велся поиск такого теоретического мышления на политэкономическом уровне, поиск такого методологического инструментария, который бы позволил получить объективную картину развития человеческого сообщества и увидеть модель экономики будущего и стратегию ее достижения.

На том этапе моего политико-экономического исследования методологической и теоретической основой явился диалектико-материалистический метод, дополненный инструментарием экономической кибернетики. Выйдя на понимание того, что основные формы бытия суть пространство и время, и бытие вне времени есть такая же величайшая бессмыслица, как бытие вне пространства, то за обобщающий показатель, характеризующий позитивное или негативное движение относительно цели, было принято время.

Научная новизна предложенного критерия заключалась в том, что он позволил осуществить периодизацию возможных форм развития производственных отношений по степени сокращения или увеличения времени в достижении цели развития.

Основной политэкономический вывод данного этапа исследований заключался в следующем: 1. в развитии марксистской методологии был сделан следующий шаг. Клеточкой общества я приняла не товар, как это было выведено у Маркса, а конкретного человека; 2. социализма на планете «Земля» еще не было; 3. социализм возникает только тогда, когда собственность становится частной и в тоже время общественной, то есть когда устанавливается взаимосвязь частного производства с конкретным человеком, производство товаров осуществляется по требованию (заказу) конкретного индивида, что

исключает возможность производства лишнего никому не нужного товара, а затраченные ресурсы используются эффективно.

Но встал вопрос: случаен ли этот вывод? Чтобы ответить на него потребовался переход на новый уровень мышления, и была взята новая планка в исследованиях – мировоззренческий уровень. Для этого была разработана новая методология познания закономерностей в развитии человеческого сообщества.

Сквозь призму новой методологии познания выявлены предпосылки, необходимость, основные направления и особенности перехода России и мира на новую модель развития.

В своих работах с мировоззренческих позиций, которое базируется на союзе всех наук и духовных знаний, и в котором политическая экономия является самой важной составной частью, я говорю о причинах системного кризиса, охватившего всю планету и новой модели развития человеческого сообщества. Ведь недаром, при всем пиетете к политической экономии, академик Л.И. Абалкин совершенно правильно считал, что политическая экономия является только одной из наук, изучающих общество. А сама политическая экономия, как сущностная неотъемлемая часть нового трансдисциплинарного знания, превращается в науку XXI века! Равно как и само это новое знание состоится только в том случае, если его составной частью будет политическая экономия!

Ю.И. БУДОВИЧ

Трактовка предмета исследования и проблема роли экономической теории как теоретической и методологической основы других экономических наук

Роль политической экономии и экономической теории в целом реализуется в ее функциях. Одна из функций экономической теории как фундаментальной экономической дисциплины – служить теоретической и методологической основой других экономических наук. Важнейшим элементом данной функции является исполнение роли теоретической и методологической основы формирования теорий предметов исследования других экономических наук. Главными же направлениями реализации этого элемента являются: 1) определение критерия экономики, т.е. критерия отнесения социальных процессов к объектам экономического познания, 2) определение критериев разделения исследования экономических процессов между различными экономическими науками, 3) разработка инструментария, позволяющего выделять разнообразные

экономические процессы и разнообразные результаты их исследования, 4) выработка стандартов формирования теорий предметов других экономических наук.

Просмотр теоретических частей современных учебников и учебных пособий по экономическому анализу, да и специальной литературы по методологии экономического исследования показывает, что результаты деятельности науки по формированию основ для разработки теорий предметов других экономических наук являются провальными.

Кажется, что наука просто оставила попытки сформулировать адекватный критерий экономики (эта проблема заботила ученых-политэкономов в течение всего XIXв. и в начале XX). При этом в экономической теории проводится расширительная трактовка экономики из национального счетоводства, в соответствии с которой к экономике относится вся деятельность в обществе, кроме той, которую люди могут осуществлять только лично (за исключением некоторых видов деятельности, не подлежащих учету по техническим причинам). Этой трактовке соответствует включение в определениях предмета науки в состав основных процессов экономики сферы потребления, отнесение в макроэкономике к субъектам экономики организаций секторов госучреждений, НКО и домашних хозяйств.

Объявляя себя теоретической основой других экономических наук, экономическая теория сводит свое участие в теоретическом обеспечении их внешнего познания к разработке экономических категорий. Полностью обходятся вопросы разделения между экономической теорией и другими экономическими науками исследования общих объектов познания даже в общепризнанных случаях, например, при изучении функционирования отраслей, выступающих общими объектами познания микроэкономики и отраслевых экономик.

Отсутствуют какие-либо развитые классификации экономических процессов и результатов их познания, позволяющие навести хотя бы элементарный порядок в учете научной новизны экономико-теоретических исследований, отсутствие которого приводит к повторным исследованиям и не позволяет реально оценивать новизну диссертаций. Классификация экономических процессов не идет дальше признаков уровня хозяйствования и отрасли. Продолжает преобладать трактовка общественно-полезных результатов науки как законов, соответствующая представлению об экономической теории как о позитивной теоретической науке, «продавливавшемуся» в XIXв. из политических соображений.

Удручает состояние определения предмета науки в экономической теории. Современное определение предмета в отечественной науке представляет собой эклектическое собрание «наиболее популярных» определений, к которым относятся

пришедшие из советской науки производственные отношения и законы производства, распределения, обмена и потребления и заимствованные из западной экономической теории «империалистические» определения предмета как поведения людей в условиях дефицита ресурсов, имеющих альтернативные пути использования, и максимизирующего поведения. Очевидно, отсутствие адекватных исторических исследований по предмету науки не позволяет современным профессорам видеть всю нелепость этой картины предмета, как в целом, так и по частям. Понятно, что подобная трактовка предмета не может служить и образцом для трактовки предметов, например, в отраслевых экономиках. Вспомним, с каким трудом в советские времена удавалось академиком от политической экономии заставить отраслевиков верить в то, что они изучают в поведении отраслей и отраслевых предприятий производственные отношения.

А.Г. ВОЙТОВ

Проблемы теоретизации экономической науки

1. Общепринято мнение о кризисе экономической науки (ЭН) и о необходимости поиска средств его преодоления. Широко распространена идея о том, что таким средством может быть философское ее основание. Современные руководящие регулятивы ЭН требуют обучения анализу–синтезу, индукции – дедукции и другим элементам философской методологии.

2. Поиск средств решения проблем ЭН свидетельствует о необходимости восстановления преемственности с авторами главных книг по экономике – самой первой (Ксенофонта), самой известной (А. Смита), самой выдающейся по значению (К. Маркса). Они – философы, что было фактором созидания ими их шедевров ЭН. Условие нового её уровня – восстановление исследований экономистами философского основания ЭН как науки о науке, каноне её теоретизации.

3. Росту позитивности ЭН препятствует не реализация давно провозглашенной её теоретичности. ЭН не стала теорией ввиду фиаско философии, не обеспечивающей овладения представителями всех наук, в том числе экономистами, фундаментального понимания науки как социального явления и диалектической логики как фактора ее теоретизации. Неспособность философов обучить технологии философствования указывает на необходимость восстановления преемственности экономистов с основоположниками, которые были философами – собственных исследований ими философии как науки о науке. Преодоление кризиса ЭН возможно в меру роста познания

ее фундаментальных свойств, которые может обеспечить только философия как наука о науке (эпистемология).

4. Прогресс ЭН требует понимания науки вообще и её форм. Наукой о науке была философия древних греков и европейского средневековья. Необходимо восстановление преемственности с ней, считавшей науку множеством знаний и атрибутом общества, предложившей гипотезу будущей её формы, названной теорией. Эта проблема не решена. Вопреки всеобщему мнению, ЭН не теория. Теоретизация всех, в том числе ЭН, – главная проблема последних 25 веков, главное направление её прогресса и проблема в том, чтобы понять философию как инструмент её решения. Элементы теоретизации ЭН заложены её основоположниками, но давно назрела необходимость новых её ступеней. Они и составляют главную задачу – разработать такое объяснение базиса общественной жизни, которое обнадёжит и воодушевит народ на его созидание. Естественно, что это дело множества её профессионалов, определивших инструмент и направление её решения.

5. Исходная функция экономистов – разработка гипотезы новой её версии и её дидактики. Основанием этому может быть только фундаментальное понимание науки как социального феномена, её значения и тенденций развития. Экономистам следует восстановить преемственность с классиками своей науки и исследовать её философские основания – понять сущность и значение науки, её форм, значение методологии и гносеологии своей профессии.

6. Философия как наука о науке, диалектическая логика позволяют легко и быстро освоить их могущество как инструмента экономической теории и определить её гипотезу. Философская гносеология обеспечивает понимание множества ЭН, указывает на особое значение её фундаментальной теории (ФТЭ) как определяющего элемента их системы. Поэтому началом теоретизации ЭН может быть разработка ФТЭ. Её атрибутами является объяснение единства и различия а) хозяйства, экономики и рынка как базиса общества; б) «видимой» (экономическая роль государства) и «невидимой» (законы рынка) рук по А. Смит; в) экономического и внеэкономического (менталитета людей) факторов базиса общества и др.

7. Гипотеза ФТЭ и диалектическая логика как её метод опубликованы в «Экономической и философской газете» (№ 37, 2012 г. и №27–28, 2014 г), более содержательно в монографии «Проблемы методологии экономической науки», 2013 г. Интеллектуальным ключом к ФТЭ является диалектическая логика, как универсальный

метод ее теоретизации. Ее популярная версия – аудио и видео курс «Уроки мышления» www\miit-ief.ru \ дистанционное обучение \ учебные материалы. Фундаментальное её содержание на сайте «Самоучитель философствования» www\sofit.ru и в др. книгах. Философский ликбез экономистов – условие созидания ими экономической теории третьего тысячелетия, которая обеспечит согласие, солидарность, сплоченность и сотрудничество народа как фактор его выживания и прогресса общества. Российские экономисты, ученики западной ЭН, могут внести свою лепту в созидание новой её формы, которая спасет общество.

П.П. ЖУЛИКОВ

Некоторые трансформации представлений экономического хозяйства

В современной теории экономического развития человеческого хозяйства отсутствует общепризнанная парадигма понимания перспектив, что обостряет дискуссию о цели развития человеческого хозяйства, и, как следствие, об источниках его роста, факторах, принципах и возможностях управления процессами качественных и количественных изменений в экономических системах.

Сформировалась объективная необходимость осмысления возможности создания единой матрицы всех экономических процессов и явлений, которая бы позволяла понять их взаимосвязь, и выработки на её основе модели развития современного экономического хозяйства, его системы.

Автором выделены базовые категории, позволяющие определить основные законы развития экономического хозяйства, выявить источники и основные направления развития, способы и формы управления развитием современных экономических систем, что позволит понять диалектику экономических систем и найти направления наиболее эффективного решения проблем российской экономики.

Предложена концептуальная линия исследования, которая направлена на научную разработку философско-хозяйственной теории фрактального развития экономических систем; свойств фрактального развития экономических систем; определения направления и скорости развития экономических систем; принципов и форм управления развитием, факторов и условий развития экономических систем.

Предложена новая концепция развития человеческого хозяйства:

– развитие человеческого хозяйства – это постоянное расширение в пространстве и времени процессов производства и потребления, связанных сначала с закреплением, а

затем с концентрацией собственности, которую можно рассматривать как количественную меру развития;

- любая экономическая система обладает свойствами фрактала, и фрактальность позволяет рассматривать развитие экономических систем как непрерывный процесс расширения в пространстве и времени, связанный с формированием новых фракталов в результате бифуркаций;

- фракталы всех уровней, обладают общими свойствами роста, связью с организаций производства и потребления, накоплением собственности;

- фракталы подразделяются на фракталы имманентных категорий и фракталы трансцендентных категорий;

- в управлении развитием экономического хозяйства используется три основные формы: милитаристическая, религиозная и образовательная, которые одновременно присутствуют на всех этапах развития человеческого хозяйства и во фракталах всех уровней, изменяются лишь пропорции каждой формы в управлении. Каждой из форм управления соответствует свой социальный институт, которым сформирован специфический набор инструментов управления развитием;

- в основе развития лежат бифуркации, которые определяют цикличность экономических процессов, подчиняясь выявленным и не выявленным законам природы (астрономическим, имманентным, трансцендентным);

- бифуркации имеют горизонтальные и вертикальные связи через систему всеобщего контроля капитала.

Такой концептуальный подход позволяет предложить фрактальную модель развития экономического хозяйства, в которой:

- каждый новый фрактал зарождается в точке бифуркации;
- развитие любого отдельного фрактала без внешнего вмешательства не может выйти за пределы ореола общего тренда;

- каждый отдельный фрактал функционирует только в системе всех фракталов, ни один фрактал самостоятельно функционировать не может;

- фракталы одного уровня имеют больше общих характеристик, чем фракталы различных уровней, и каждый повторяет фракталы своего уровня;

- каждый последующий уровень фракталов повторяет предыдущий в пропорциях ряда Фибоначчи.

Такая модель допускает иной подход к формированию взглядов на анализ экономических систем, поскольку допускает учёт не только имманентных и установленных закономерностей развития экономических фракталов, но и

трансцендентных, или не выявленных, закономерностей в текущих отрезках времени и пространства.

Н.Г. ИВАНОВА

Интегративная функция общей политической экономии

Обострение глобальных проблем современности в информационную эпоху в очередной раз через 100-летний период, подтверждая принцип циклического развития экономики, актуализирует обращение к политической экономии (ПЭ), выходящей на новый, более серьезный и сложный фундаментальный уровень. Если классическая ПЭ в XIX веке вскрыла классовые антагонизмы буржуазного общества, то *общая политэкономия* (авторское название современного этапа развития политической экономии) призвана исследовать остро стоящие противоречия *глобального общества* и предложить пути их решения с учетом многообразия факторов, к ним приводящих.

Отходу от политэкономии в обозначенный период способствовал прагматический рыночный индустриальный путь развития большинства развитых стран мира, построенный на математических экономических категориях, необходимых транснациональным корпорациям для достижения коммерческих целей в мировом масштабе. Это привело к обособлению экономики, превращению ее в обслуживающую научную теорию крупного бизнеса, ориентированного на максимизацию своих доходов. По аналогии политики, используя теоретический и практический экономический инструментарий, достаточно успешно в XX веке достигали геополитических целей. В итоге экономика превратилась в средство достижения указанных целей. Параллельно с ней и одновременно в отрыве от нее развивались другие дисциплины, углубляя знания в смежных сферах деятельности, таких как история, философия, управление / менеджмент, политология, социология, культурология, экология, психология, пр.

В настоящее время на смену обособленному экономическому видению приходит интегративное, которое требует объединения знаний всех перечисленных наук на экономической основе, т.е. формирования политической экономии как науки, объясняющей мировое устройство, его законы, правила взаимодействия на наднациональном, национальном и индивидуальном уровнях. Если наднациональный уровень формирует глобальные стандарты поведения всех стран мира в политической, экономической, социальной, экологической и других сферах посредством принимаемых международными экономическими и финансовыми организациями управленческих решений (наднациональное регулирование), то национальный раскрывает законы построения национального общества на основе важнейших экономических категорий

(товар, деньги, собственность, стоимость, цена и т.д.). В свою очередь, индивидуальный уровень определяет роль человека в экономике, придавая ей ярко выраженную социальную направленность. На современном этапе именно человеческий фактор определяет научно-техническое и экономическое развитие благодаря знаниям, творчеству индивидов, групп людей, создающих инновации. Достигнуть соответствующих высот в экономике, политике не представляется возможным без бережного, уважительного отношения к природе, обеспечившей человечеству благоприятную среду обитания. Этот факт подтверждают уже существующие ограничения экологического характера, сырьевых ресурсов, серьезной дифференциации населения по экономическим (уровню доходов), культурным (религиозным), профессиональным (квалификационным) и прочим признакам. Поэтому в создавшихся условиях страны-лидеры свои политические амбиции будут вынуждены согласовывать не только со своими партнерами, но и со своими противниками, спаянными через бизнес сложившимися международными экономическими отношениями (только не с позиции силы). Тем самым на смену геополитическому подходу приходит геоэкономический. Например, в ситуации принятых западными странами экономических санкций против России в связи с украинскими событиями бизнес несет колоссальные потери (поскольку бизнес транснациональный) и давит на правительства, призывая к их отмене.

В итоге уместны следующие выводы.

1. Развитие человеческого общества достигло такого уровня, что спровоцированные кризисы, потрясения экономические и военные в отдельно взятых странах неминуемо ударят по всем, вызвав в дополнение и экологические катаклизмы.
2. Отсюда интегративная функция общей политической экономии проявляется в синтезе знаний указанных смежных наук с целью создания фундамента взаимоотношений всех субъектов мирового сообщества при наличии остро стоящих глобальных проблем.
3. Краеугольным камнем здесь должно стать формирование нового глобального мировоззрения, в корне противоположного потребительству, направленного на усиление когнитивных (познавательных) способностей человека во благо общества, подчеркивающих индивидуальный характер отдельной личности. Так, в мировой практике развивается NBIC-конвергенция, состоящая из четырех прогрессивных областей знаний (соответственно нано, био, инфо, когно). Основной пока признается информационная, подтверждающая известное изречение основателя международной династии предпринимателей М. Ротшильда (1744-1812): «Кто владеет информацией – тот владеет»

миром». В современной же экономике знаний определяющей станет когнитивная область научных исследований.

Р.Р. ИШМУРАТОВ

Значение кибернетического подхода в экономической теории

Кибернетический подход исследует процессы управления в рамках какой-либо общественно-экономической системы. Это взаимодействие субъекта и объекта управления, соответствие разнообразия субъекта управления разнообразию объекта управления, саморегулирование, саморазвитие. Экономическая теория исследует закономерности функционирования экономических систем. Кибернетика как наука сформировалась позже общеизвестных экономических теорий. В то же время, ее содержание позволяет более полно раскрыть сущность отдельных аспектов экономической теории. Так, смысл понятия «политическая экономия» становится более полным при использовании понятия «управление». Название политическая экономия произошло от греческих слов *politicos* – государственный, общественный и *oikonomia* – управление домашним хозяйством. В начале XVII века, когда «домохозяйство» разрослось до уровня *королевского*, возникло понятие **политическая экономия**, смыслом которого являлось государственное управление. В классической школе упор был сделан на конкретные экономические категории: богатство, обмен, стоимость и др. В то же время, государственное управление предполагалось. Так, Смит предполагал необходимость вполне определенного государственного управления: поддержание порядка, содержание обороны, инфраструктуры, обеспечение экономической свободы, обеспечение свободной конкуренции на рынке, невмешательство в дела предпринимателей. На языке кибернетики это звучало бы как соответствие разнообразия субъекта управления разнообразию объекта управления, саморегулирование экономической системы. Несколько иная картина с ролью государства в идеологии Кейнса. Критикуя Сэя, он заявил о том, что рыночная экономика не саморегулируемая (психологический закон) и требует вмешательства государства для обеспечения эффективного спроса и что, в конечном счете, приведет к саморегулированию экономики. В советское время модель Цаголова предполагала своей основой плановость, являющейся основной функцией государственного управления. Советская система хозяйствования прекратила свое существование. Почему? На этот вопрос дал ответ Кейнс. Ответ был кибернетический. Кейнс не раз посещал СССР и восхищался его экономическими достижениями. Но в то же время, заявил: «...У вас нет будущего. Ваша экономика не саморегулируемая». Кибернетическое содержание несет в себе положение

Маркса и Энгельса о соответствии производительных сил и производственных отношений. В случае достижения этого соответствия достигается оптимальное функционирование экономической системы за счет соответствия разнообразия субъекта управления (производственные отношения) разнообразию объекта управления (производительные силы). Так, Энгельс в вопросе о соответствии производительных сил производственным отношениям рассматривал различные виды действия государственной власти, которые могут быть адекватны и не адекватны этому соответствию. В первом случае эти действия способствуют экономическому развитию. Во втором случае: «...политическая власть может причинить экономическому развитию величайший вред и может вызвать растрату сил и материала в массовом количестве». Не менее важным является значение кибернетического подхода для понимания такой научной категории как «институт». В определенном контексте институт понимают как обычай, норму, закон поведения человека вообще, безотносительно к конкретной реальности. В процессе управления это вполне определенная категория, исходящая от субъекта управления. При этом содержание института влияет на эффективность взаимодействия субъекта и объекта. Немаловажное значение кибернетического подхода заключается в том, что реализация проектов экономической теории требует механизма управления внедрением проектов на уровне оптимального функционирования экономической системы.

В.В. КАШИРИН

Политическая экономия: наше прошлое, настоящее и будущее.

На наш взгляд, по отношению к политической экономии, как считают некоторые оппоненты, относятся как к лженауке. Данное утверждение, некоторых наших оппонентов, не совсем корректно, потому что Антуан де Монкретьен (1567-1621) является основоположником данной науки, которая дала возможность видеть развитие управлением государственным хозяйством. Монкретьен ввел термин «политическая экономия» для обозначения экономической науки, так как вслед за Ксенофонтом и Аристотелем термин «экономика» употребляли в первую очередь в смысле домоводства, управление личным хозяйством. Вслед за Монкретьеном и вплоть до конца XIX века под политической экономией подразумевалась наука о государственном хозяйстве, об экономике отдельных государств. Монкретьен придавал первостепенное значение «естественному богатству» (хлеб, соль, вино и т.п.), так как не количество золота делает государство богатым, а «наличие предметов, необходимых для жизни». Андрей Шторх (1766-1835) продолжил начинания Монкретьена и создал «Курс политической экономии, или изложения начал

обусловливающих народное благоденствие». Это фундамент нашего общества, это не только фундамент, это и стратегия нашей страны. Я думаю, что это правильно. С одной стороны у нас библиотеки избавляются от классиков, а в Германии издается «Капитал» Карла Маркса большими тиражами, который раскупается молодежью в больших количествах. Это что парадокс? Или это действительно что-то творится в головах людей, ученых и практиков. Что творится в экономике? Нами командуют бенефициарии. Неизвестно где, неизвестно как зарегистрированы наши предприятия. Где оно зарегистрировано? Мало того наши бизнесмены требуют еще и денег в долг у государства, т.е. из нашего бюджета, это вообще наглость вдвойне! Нет чтобы государству их привлекать, строить заводы, фабрики, создавать рабочие места, строить детские сады, школы, научные центры, а мы им даем в долг, чтобы они развивали свой бизнес во благо своих поколений и плодили дармоедов. Вот это одна из практик, которая говорит о том что, ученых вообще никто не слушает. Поэтому, на наш взгляд, надо делать всё, чтобы можно восстановить политическую экономию, как предмет для преподавания во всех ВУЗах. Как говорил Анатолий Александрович Пороховский (заведующий кафедрой «Политическая экономия» экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, которой исполняется в этом году 210 лет), что политическая экономия - изучает общественные отношения и производственные отношения.

Это наука, изучающая общественные отношения, но общественных отношений великое множество. Политэкономия должна найти свою нишу, а нишу она может найти, если вычленен ее предмет. На мой взгляд надо исходить именно из того что наука, называемая политической экономией, должна иметь предмет на все времена, которые она существует, предмет единый, если какой-то другой предмет появляется, а старый исчезает, это появляется какая-то другая наука тогда уже. Но я думаю, что политическая экономия относится к тем наукам, которые не исчезают со временем, так же как и не исчезает предмет. Другое дело что предмет, действительно развивается, становится богаче, многостороннее и т.д. Политико-экономические отношения, и соответственно предмет политической экономии, это те отношения, в которых синтезированы экономические и политические начала. Политическая экономия должна изучать политико-экономическую структуру общества: место разных слоев, групп; объективно существующих слоев и групп в общественной системе. Политико-экономическая структура, если начать конкретизировать, она перерастает в более широкую социальную структуру, со всеми ответвлениями. И здесь начинается переход от политической экономии к социальным наукам, как к таковым, здесь мостик есть, а дальше начинаются социальные науки, это уже за пределами политической экономии. Есть переходные ступени, собственно политической экономии к другим

общественным наукам. Здесь это крайне важно, потому что, мы тогда понимаем, что политическая экономия, действительно является основой, основой для понимания и процессов развития и понимания состояния общества. Учёные абсолютно правы в том, что современная национальная система отношений (политико-экономических) перерастает, или уже в значительной мере переросла в наднациональное и даже мировые (глобальные). Поэтому, на наш взгляд, для того, чтоб политэкономия заняла свое положенное место в системе науки и в общественной жизни страны, необходимо изучение тех трансформационных процессов, которые идут, из тех возникающих систем надо видеть то, что происходит в мире. Поэтому вообще политико-экономические отношения объяснять и выяснять исходя, только из развития рыночных отношений невозможно, (этого недостаточно!). Есть много нерыночных отношений, они всегда были и будут, и рынок сохранится, и будут развиваться внерыночные отношения, это все надо рассматривать в комплексе. В свое время Андрей Шторх подверг резкой критике состояние Российской экономики, существующее тогда положение дел в России, что было неудобно для власти. Представляется, однако, что такое мнение хотя и не далеко от истины, но все, же не вся истина. Он критиковал Российскую действительность не больше и не меньше, чем остальные экономисты, работы которых с трудом издавались.

Таким образом, основываясь на методах политэкономической науки необходимо пересмотреть сквозь грань исследований современное развитие Российской экономики в настоящий период и сделать прогнозы на будущее - будущее развитие общества, общественных отношений, производственных отношений, формирование человеческого сообщества в нашем национальном хозяйстве!

В.В. КАШИЦЫН

Экономическая наука и ее объект. Ретроспектива, логика и перспективы взаимосвязи.

Системная доминанта в названии конференции не только более чем уместна, но и ко многому в наше турбулентное время обязывает. В широком, методологическом смысле она предполагает синтез не только функциональных закономерностей между собой и безусловно последних с причинно-следственными закономерностями, но и синтез прошлого, настоящего и будущего взвешенного в эволюции проблемного поля общего и особенного по отношению мирового хозяйства и национальных экономик. В узком смысле, касательно « роли в современном мире политической экономии и экономической теории в целом» она предполагает, прежде, всего взвешивание эволюции экономической

науки в ее тесной взаимозависимости с ее объектом с точки зрения понимания ее производности по отношению к объекту.

Одним словом оценка роли и судьба экономической науки во многом зависит от исследования закономерностей и их трактовки, ретроспективы, логики и перспектив взаимосвязи экономической науки с ее объектом имея ввиду его примат. Ретроспектива предполагает очевидно априорное первенство историко-экономического подхода позволяющего ощутить побудительную развитийную моторику производительной силы и продуцируемые ею спросовые потребности к экономическим формам. А возникновение становление и содержательное наполнение экономических форм, подводит нас уже непосредственно к актуализации предмета уже собственно экономической науки, раскрытию закономерностей и противоречий ее эволюции. То есть уже сама ретроспектива предполагает взаимосвязанное и предопределенное рассмотрение объекта и производной по отношению к нему экономической науки.

И здесь исключительно важно нам не потеряться в координатах общего и особенного в данной ретроспективе по отношению взаимосвязи общих закономерностей и их спецификации, по отношению национальной экономики в ее взаимосвязанности с мировым хозяйством и другими странами. Не потеряться в хитросплетениях и перепитиях этих сложнейших взаимосвязей помимо обозначенных выше методологом помогает в исследованиях и логика. Причем логика здесь трехфазная. Это прежде всего логика эволюции самой производительной силы. Логика эволюции соответствующих экономических форм и экономических отношений. И, самое главное, логика теснейшей взаимообусловленности их между собой. Так сложилось в экономической науке, что третья фаза логики (в нашей редакции) формализовалась в возникновении и эволюции экономических смысловых парадигм.

Парадигмы в развитии экономической науки сыграли столь важную смысловую познавательную-исследовательскую интегральную роль, что экономическая наука, и через нее и объект в его эволюции не могли не стать их заложниками.

Поэтому когда мир экономический оказывается в очередной бифуркационно-турбулентном развилочном состоянии, когда «останавливается» в своем развитии объект, когда возможные и невозможные, инструменты – механизмы пролонгации привычного хода вещей перестают работать, общество погружается в ощущение цугцванга. И естественно в подобной ситуации возможного все, в том числе и мощная гротескная актуализация востребованности экономической науки.

Однако экономическая наука как объективно так и субъективно не обязательно может оказаться быть к этому готова. Как нам представляется, для повышения градуса

этой готовности, ей нужно ощутить заметную содержательную утрату смыслового поля, хаотизацию и дискретность категориального и закономерного языка и существенную потерю взаимосвязи с объектом.

Поэтому говоря о перспективах системной реанимации взаимосвязи экономической науки с объектом и российской спецификации этой взаимосвязи, особенно, на наш взгляд необходимо исследователскому сообществу, власти и обществу в целом обратить внимание на формализацию и острейшую необходимость видения и преодоления следующих более чем реальных сложившихся противоречий:

1. касательно объекта это:

– противоречие сложившихся в стране логики и системы управления (регулирования) потребностям развития, роста богатства и практически любой системе экономических законов.

– противоречие между сложившейся тенденцией дифференциации и энтропии внутреннего рынка по отношению к необходимости его гармонизации и запуска как основного фактора экономического роста и тем самым, процесса преумножения богатства.

– противоречие между внутренним и мировым рынком. между внутрирыночными и внешнеэкономическими отношениями.

– противоречие между регионально-территориальными, отраслевыми аспектами экономических отношений и внутрирыночными функциональными.

– противоречие между возможностями. в части экономической активности и дееспособности, сложившейся в стране управляющей антиэлиты и качеством и потребностями развития у населения.

– противоречие между качеством и профессионализмом проведения продолжающихся в стране очередных реформ (например, системы образования) и потребностями страны, экономики и населения.

– противоречие между информационно-духовными ориентирами сложившимися в последние десятилетия в среде интеллигенции и существенной части имущего населения и потребностями общества, связанными с развитием.

2. касательно экономической науки это как минимум следующие потребности - «перспективы»:

– крайне необходимо вернуться в исследованиях и образовании к реальной классификации, субординации и взаимосвязи всего спектра экономических науки прежде всего к классическому их бытийного как развитию элементов системы политической экономии

– предмет политической экономики (экономической науки) имея ввиду адаптацию его интегральной версии нынешнему состоянию объекта мог бы быть следующим - «изучает систему взаимосвязанных экономических законов по поводу расширенного воспроизводства богатства в процессе общественного производства, распределения, обмена и потребления благ и услуг в формате максимизации доходов при минимизации затрат»

– «реанимация» метода не может не происходить без возврата к главной, философским методологической своей компоненте. Причем эта часть методологии не только априорна, но и «ветовая», апостериорна по отношению ко всем разновидностям экономического анализа.

– ни при каких обстоятельствах нельзя базировать образовательный стандарт ни на одной из версий науки и, особенно неоклассической, независимо от ареала ее наследия. Видимо, наиболее эффективным способом гармонизации экономического образования является «возврат» к обновленной программе политической экономии с ключевыми, в последовательной продуманной соотносимости экономических дисциплин особенно для всех экономических специальностей.

– программа должна быть единой для всех экономических вузов с точным указанием часов и их структуры (особенно аудиторных), в противном случае мы окончательно потеряем перспективу воспроизводства профессиональных кадров.

– в аттестации научных работников и преподавателей необходимо исключить возможность деятельности и особенно преподавания без базового профессионального экономического образования, т.к. уже сейчас у половины преподавателей экономических дисциплин, 40% кандидатов наук и 30 % докторов наук нет базового экономического образования.

– видимо необходимо «перестать» стимулировать попытки синтеза разных школ и учений и пытаться исходить из логики эволюции целостности объекта от целого, общего к особенному и специфическому, а не наоборот. То есть от политической экономии к конкретным экономическим наукам. Иначе последние не имеют смысла.

Более подробно исследования, затронутые, выше изложены в «Объект, предмет, метод экономической науки и реальность». Монография/под ред. В.В. Кашицына – Новороссийск: ГМУ им. адм. Ф.Ф. Ушакова. 2014-194с. (SBN 178-5-89426-087-7.) Эл. адрес Kash_Vic@mail.ru

Н.П. КОЗИЕНКО

ОПТИМАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТЭКОНОМИИ

Общественным наукам нужны новые парадигмы, причем именно в мировоззренческих областях знания: в политэкономии, социологии, политологии и теории познания. При этом политэкономия имеет право на существование только в её классическом варианте, то есть как наука о наиболее общих законах развития производительных сил и производственных отношений.

Лишь такой масштаб исследований позволяет выработать концепцию мотивации деятельности человека и на этой основе сформулировать основной экономический закон, предопределяющий развитие производительных сил и генезис общественно-экономических формаций. А также обосновать уровень развития производительных сил, предполагающий наличие предпосылок непротиворечивого развития производительных сил и потребления, при котором можно реализовать оптимальные отношения собственности и принципы социально справедливого распределения благ.

Отличительная особенность отношений собственности в оптимальной экономике заключается в том, что в ней реализуется принцип священности собственности индивида на всю произведенную им стоимость. И создаваемый в связи с этим союз кооперативных собственников является экономической основой новой формации, которая завершит историю, поскольку в ней не будет эксплуатации человека ни человеком, ни государством.

Вообще логику развития общественно-экономических формаций автор представляет как тенденцию расширения социального слоя общества, способного реализовать право собственности на основные средства производства. И в оптимальной экономике эта тенденция получает своё абсолютное воплощение.

В выполненном исследовании показана ошибочность представлений о том, что в процессе свободного товарообмена стоимость колеблется вокруг так называемых общественно необходимых затрат как в варианте трудовой теории стоимости, так и в вариантах информационной и энергетической теорий. Что же касается потребительной стоимости, то, являясь категорией свободной экономики, она в принципе не должна исчисляться, а оптимальные её параметры будут складываться лишь в свободной и равновесной экономике.

Доказывается не только несостоятельность предпринимаемого в неоклассическом анализе подхода к формированию равновесной цены, но и то, что капиталистическая экономика в принципе может существовать только как экономика неравновесная, то есть как экономика, которой имманентно свойственна инфляция.

Обоснованный же в работе источник стоимости для оптимальной экономики и наличие в ней предпосылок непротиворечивого развития производительных сил и потребления позволяют предложить метод регулирования динамики производства, при котором соотношение между "массой" потребительных стоимостей и стоимостью остаётся неизменным в динамике. Поэтому оптимальная экономика будет экономикой равновесной. И принципы свободной экономики в ней воплощаются идеально, так как предложенный метод регулирования не подрывает свободы предпринимательской деятельности.

В оптимальной экономике предлагаются принципы землепользования, отличающиеся от таковых как при капитализме, так и при социализме.

В работе исследуются причины ущербности капитализма в странах третьего мира, что даёт основания для утверждения об обречённости капиталистического выбора и в них, и в России. Но мы считаем, что в России всё ещё сохраняются объективные предпосылки для выбора в пользу оптимальной экономики, созданные в условиях реального социализма.

Ключевые слова выступления: политическая экономия; концепция мотивации деятельности человека; оптимальная экономика; основной экономический закон как фактор истории; приватизированное производство; логика развития общественных формаций; союз кооперативных собственников; теория трудовой стоимости; информационная и энергетическая теории стоимости; неоклассический анализ; инфляция; теория стоимости оптимальной экономики; равновесная экономика; принципы землепользования в оптимальной экономике; российский вариант капитализма.

Е.В. КРАСНИКОВА

Потенциал политэкономии огромный, актуально значимый, практикой не востребованный.

Огромный, так как Россия переживает смену экономических систем. Как и почему происходит такая смена, чем она обусловлена – ответы на эти вопросы даёт политэкономия, таков предмет ее исследования.

Актуальный, так как смена экономических систем выдвигает множество проблем, особенно сложных в условиях уникального постсоциалистического, постсоветского происхождения российской модели капитализма..

Не востребованный, так как политэкономия в учебном процессе практически полностью заменена Экономической теорией, отражающей проблемы эффективного функционирования экономической системы развитых стран на макро- и микроуровнях. Эта наука не занимается исследованием общих закономерностей экономического развития, она изучает особенности функционирования уже сложившейся экономической системы в целях повышения его эффективности и гармонизации экономических интересов различных социальных слоев и классов.

Какие вопросы актуальны для современной России, ответ на которые может дать только политэкономия:

- почему погиб социализм и возможен ли возврат к нему в обновленном виде,
- может ли экономическая система быть рыночной, но не капиталистической,
- можно ли трактовать экономическую систему развитых стран новой экономической системой с новой моделью рыночной экономики, по своей социально-экономической природе не капиталистической, но и не социалистической,
- если возврат к капитализму неизбежен, то каковы его национальные особенности.

В зависимости от ответа на эти вопросы оказывается разным научное обоснование экономической политики во всем многообразии ее аспектов. Такое обоснование особенно необходимо в условиях существенного возрастания роли государства на протяжении всего XX и начала XXI вв. Тем более это важно для российской экономики ввиду сохранения традиционно высокой в постсоветской стране роли государства вопреки рыночной природе формирующейся в ней экономической системы.

Если признать безальтернативным становление в России рыночной капиталистической экономики, то требуют глубокого политэкономического обоснования следующие проблемы:

- обоснование оптимального соотношения форм государственной и частной собственности во всем ее многообразии;
- обоснование функций и методов государственного регулирования и его взаимодействия с рыночным механизмом регулирования;
- обоснование основных направлений реструктуризации макроэкономики, включающее следующие аспекты: соотношение реального и финансового секторов

национальной экономики и механизма их взаимодействия; структура реального сектора по линии соотношения сфер материального производства и услуг, равно как и структуры каждой из сфер; структура финансового сектора, представленного множеством институтов.

К настоящему времени не решена ни одна из этих проблем. Не преуспело государство на поприще преобразования отношений собственности. Так, после массовой приватизации 1990-х годов последовало чрезмерное по рыночным критериям наращивание государственной собственности в первом десятилетии нового века путем создания крупных государственных корпораций в целях модернизации российской экономики, которая так и не была ими осуществлена. Сохраняется неблагоприятный бизнес-климат, препятствующий реализации экономического потенциала частного бизнеса (Россия занимает 92-е место по рейтингу конкурентоспособности, исчисляемого Всемирным банком). Сохраняется жесткое государственное регулирование вплоть до ручного, а широким распространением коррупционных отношений подрываются конкурентные, вне которых нет подлинных рыночных. Реструктуризация устойчиво шла по порочному пути приоритетного развития отраслей ТЭК и первого передела деятельностью крупных государственных компаний и крупного частного бизнеса, что еще более усугубило технологическую отсталость экономики; не решена проблема продовольственной безопасности; сложилась не самая эффективная структура сферы услуг с доминированием в ней торговли и общепита.

Но и в экономической науке царит полный разброс мнений относительно развития рыночной экономики в стране, что само по себе не позволяет дать четкое научное обоснование экономической политики.

С.И. КРЕТОВ

Экономическая теория на рубеже шестого технологического уклада

Самое сложное для понимания - это жизнь на Земле в ее многообразии, изменчивости и неповторимости. Первые успешные научные попытки раскрытия ее сущности были осуществлены Ф.Энгельсом в «Диалектике природы»¹. Во-первых, это неодушевленная Природа. Во-вторых, это клетка, которая как сложная самосозидающаяся система, лежащая в основе жизни на Земле. В-третьих, это процесс эволюции видов.

¹ Энгельс Ф. Диалектика природы. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч. 2-ое изд. т. 20, с.213-215.

В терминах науки шестого технологического уклада - кибернетической эпистемологии (теории сложности) это три компонента подсознательного образца (КПО) "биологической жизни". Через КПО в диалоге подсознания с сознанием проявляется наиболее глубокая сущность любого явления и факта.

В процессе превращения поступивших на наши органы чувств раздражений от окружающего мира подсознание "достает" из своей библиотеки подсознательных образцов и мгновенно предъявляет сознанию некие компоненты, которые и позволяют человеку понимать происходящее и, например, научные концепции. Через КПО сама Природа "сформулировала" наиболее глубинную сущность всего на Земле. Задача человека лишь понять этот сущностный и лаконичный язык Природы.

Три компоненты, или их можно назвать исходными аксиомами, позволили в исследованиях социально-экономических процессов рассматривать человека, как некую константу. В западном мире ее назвали Homo Economicus. В СССР - Homo Sovieticus.

Политическая экономия развивается в единстве с другими науками. На границе пятого и шестого технологических укладов стал вопрос о причинах глобального кризиса и путей выхода из него. Сущность объяснения оказалась намного глубже, чем это представляет классическая политэкономия и западный мейнстрим². Для понимания необходимо обратиться к теоремам Гёделя о неполноте. Первую теорему можно представить так: для сложной диссипативной системы экономики, попавшей в точку бифуркации, не существует понимания причин наступившего цивилизации кризиса и траекторий ее дальнейшего движения, которые можно было бы объяснить исключительно в рамках исторической аксиоматики прошлой научной парадигмы.

Что изучает современная экономическая теория? В наиболее общем виде - законы экономики в форматах капиталистических или социалистических идеологических парадигм. Социализм и капитализм, как две допустимые модели капиталистической формации завершают свой исторический путь.

Для ответа на вопрос о сущности современного кризиса цивилизации и всей системы социально-экономических отношений необходима четвертая аксиома. Она до сих пор еще не была сформулирована ни одним из исследователей. Открытием тысячелетия является то, что динамика социально-экономических отношений в целом в определяющей степени зависит от эволюции сознания людей, происходящим аутопоэтически. А чередующиеся формации, развитие производительных сил в форматах инноваций, и производственных отношений в виде 30 миллионов бумажных законов подавления руководящими подсистемами общества управляемых подсистем, есть лишь поверхностные проявления процесса эволюции сознания, подмеченные

² Трудно отделаться от мысли, что Экономикс и прочий мейнстрим напоминают правила игры в «Монополию» для взрослых, нежели науку, понимаемую в ее родовом значении древнегреческого издания.

ранними классиками. Эта четвертая аксиома, понимаемая как развитие гуманистического наполнения нашего сознания и аутопоэтического вытеснение из него эгоизма, жадности, индивидуализма и т.п., объясняет причины современного кризиса и неразрешимых противоречий, неопровержимо свидетельствует о полном и окончательном крахе капиталистической формации, либеральной идеологии в ее современной трактовке и рисует очертания будущего социально-экономического устройства нашей цивилизации, которое можно назвать гуманистическая общественно-экономическая формация³.

Новая экономическая теории, построенная на базе четырех аксиом-компонент, будет ответом на вызовы, с которыми встретила цивилизация на пороге шестого технологического уклада.

К.Н. ЛЕБЕДЕВ

Теория метода экономического исследования и проблемы экономической теории как фундаментальной экономической науки

Роль экономической теории в современном мире реализуется в немалой степени и через ее место в системе экономических наук как фундаментальной научной дисциплины. Как таковая экономическая теория обязана отвечать за разработку теории метода научного экономического исследования в целом, в том числе основ методов исследования других экономических наук. К сожалению, экономическая теория (политическая экономия) давно не ставит перед собой такой широкой задачи, реально ограничиваясь собственными нуждами. В данном случае ее «скромность» уместна, так как похвалиться успехами в разработке метода исследования экономическая теория явно не может.

Современная теория метода самого экономико-теоретического исследования, представленная как в соответствующих отделах современных российских учебников и учебных пособий по экономической теории, так и в специальной методологической литературе, представляет собой результат переработки традиционного метода науки, сформировавшегося в конце XIX–начале XX в., с одной стороны, в духе марксизма-ленинизма, а с другой – «математического шарлатанства», осуществленной в отечественной и западной науке в 30–50-е гг. XX в. соответственно.

³ Василенко В.И., Кретов С.И., Федоров М.В. Глобальный кризис и генезис гуманистической общественно-экономической формации. Геополитический журнал, №3, 2014, с.31-41 и Василенко В.И., Кретов С.И., Федоров М.В. Гуманистическая общественно-экономическая формация как альтернативное будущее человечества. Журнал «Управление собственностью: теория и практика», №2, 2013, с.41-52.

Традиционный метод является экономическим переложением научно-логического метода социального исследования Дж. Ст. Милля из его «Системы логики...» с добавлением анализа пределов применимости в экономическом исследовании статистического и математического методов. Хотя и в архаичной форме и в применении к весьма неполному кругу объектов познания и видов их исследования, тем не менее, разработчикам традиционного метода (Кэрнс, Кейнс, Левитский, Менгер и др.) удалось сформировать адекватные основы метода экономического исследования. Среди главных достижений может быть указано почти интуитивное, но все-таки разделение методов индукции и дедукции на формально-логическую и научно-логическую пары и понимание их разного назначения в исследовании.

«Заслужено» же переработчиков традиционного метода в духе марксизма-ленинизма является превращение в методы вывода экономических зависимостей философских законов, в том числе законов взаимодействия парных философских категорий (например, форма и содержание, явление и сущность), когда путем произвольного причисления экономических явлений к тем или иным категориям на основе соответствующих законов можно получать «нужные» выводы. В связи с этим из метода исследования были выведены реальные методы вывода зависимостей, а именно научные методы индукции и дедукции, т.е. методам индукции и дедукции как общенаучным была необоснованно придана формально-логическая трактовка. Ликвидацию научной части метода «прикрыли» введением в состав общенаучных методов путанных методов восхождения от конкретного к абстрактному и наоборот. Примечательно трогательное отношение творцов подлинно научного метода политико-экономического исследования к статистике и математике – много и не могло быть в условиях, когда К. Маркс и В. И. Ленин питали слабость к этим наукам.

В 70-х гг. исследовательский арсенал советской политической экономии «пополнил» системный подход Л. Берталанфи, представляющий собой методологию исследования организмов и машин, пригодную для изучения экономических процессов, а тем более экономики страны, лишь с многочисленными оговорками, реальность соблюдения которых во многих случаях говорит о полной неадекватности этого подхода в экономике. Причина – употребление слов «система», «элементы», «взаимодействие» и пр. классиками марксизма-ленинизма.

На метод марксистско-ленинской политической экономии, успешно переключавшийся в рыночную российскую экономическую теорию, прекрасно «лег» метод современной западной экономической теории, представляющий собой в части вывода зависимостей те

же формально-логические индукцию и дедукцию и фактически абсолютизированные статистический и математический методы.

Обратим внимание на то, что наука упорно обходит стороной вопрос о системе конкретных методов экономико-теоретического исследования, в связи с чем не может играть никакой направляющей роли в соответствующей работе, которую давно и стихийно ведут конкретные экономические науки.

Очевидно, что какая-то проблема подвергается разработке или вновь привлекает внимание ученых в условиях, когда в этом возникает практическая необходимость. В связи с этим к науке появляются новые «нехорошие» вопросы, связанные с качеством исполнения ею более широкой роли в современном мире.

А.Д. ЛЕВАНОВ

Неэкономические мотивы становления экономической науки и практики

Общепризнанным положением в отношении экономической науки является утверждение о её общественном статусе. Это означает, что изучая структуру экономических отношений, мы должны учитывать взаимосвязи производственных и рыночных процессов с другими процессами, протекающими в обществе: в сфере культуры, морали, истории, общественного сознания, привычек, институциональной среды.

Предложенные в своё время Г. Беккером модели воздействия экономической рациональности обоснованы на одностороннем влиянии мотивов «выгодно-невыгодно», которые можно сравнить с прямым экономическим расчётом по принципу затраты – результат и выразить в деньгах. Но надо учитывать и существующее обратное воздействие неэкономических факторов на экономические поступки людей. А они не сводятся только к рыночным мотивам. Здесь также значимыми являются отношения между людьми и в производстве, и в распределении, и в потреблении. Но все эти элементы экономических отношений вплетены в ткань разнообразных нравственно-этических ценностей, культурно-бытовой сферы.

Во взаимовлиянии указанных сторон полагаем, можно выделить следующие два аспекта. Во-первых, важную роль неэкономические мотивы производственно-хозяйственной деятельности играли и играют и в становлении экономической науки, в выработке и реализации её практических рекомендаций. Во-вторых они отражают оценочные суждения о значимости всех процессов этой сферы, о её содержании и формах,

тем самым стимулируя экономических субъектов выполнять своё функциональное предназначение.

Предвестником формирования экономической мысли, полагаем, стали публицистические работы англичан – Т. Гоббса и Б. Мандевилля. Речь идет о произведениях «Левиафан» и «Басня о пчёлах», вышедших в свет соответственно в 1640 и 1705 годах, в которых была обозначена весьма важная даже для наших дней идея о естественной основе жизнедеятельности общества – о природном стремлении человека к самосохранению и удовлетворении своих потребностей, к сохранению мира и благополучия людей, а также, на первый взгляд, парадоксальная оценка потребности в роскоши и мотовстве.

Всё дальнейшее развитие экономической мысли шло под влиянием литературно-публицистического творчества и философско-правового осмысления содержания экономических отношений. К числу такого рода произведений следует отнести работы. Д. Дефо, И.Т. Посошкова, ряда других мыслителей.

В становлении российской экономической мысли заметную роль сыграли произведения А.С. Пушкина, А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского. Богатое отечественное литературное наследие явилось благодатной почвой для деятельности переводчиков работ западных экономистов на русский язык. Писатели и публицисты во многом способствовали становлению национальной окраски российской экономической мысли.

Важной составной частью формирования экономической науки и реализации её практических рекомендаций являются историко-культурные знания. Заслуживает положительной оценки тот факт, что высшая школа стала предусматривать задачу включения в профессиональную деятельность экономистов общекультурных компетенций. Полагаем, что неожиданность экономических кризисов последних лет можно объяснить продолжительным забвением разнообразия экономических и неэкономических зависимостей. Поиск путей преодоления негативных последствий кризисов активизировал внимание к восстановлению норм доверия, уважения и ответственности в отношениях экономических субъектов. Напомним, что классик политической экономии – А. Смит, издал своё главное сочинение «Богатство народов» после исследования нравственных чувств человека.

Обратим внимание на то обстоятельство, что значимые для экономической науки выводы были сделаны людьми, не имеющими базовой экономической подготовки. Среди них – врач и музыкант У. Петти, врач Ф. Кенэ, химик Д.И. Менделеев, практики Д.

Рикардо и Ж.-Б. Сэй, инженеры В. Парето и А. Филлипс. Можно поэтому согласиться с утверждением институциональной теории, что междисциплинарный подход оказывает позитивное влияние на экономику как науку. Познания в области морально - культурных ценностей и следование их нормам способствует становлению «экономиста высшей пробы» (Дж. М. Кейнс), поскольку только он может выявить связи между различными вещами, событиями и процессами общественной жизни.

В числе неэкономических факторов становления и развития экономической науки следует назвать и религиозные воззрения, и традиции, и обычаи. Анализ их влияния представляет особую тему. Однако в высшей школе есть возможность преодолеть ограниченность рамок подготовки экономиста. Для этого необходимо разнообразить палитру изучения процессов возникновения и развития экономической науки, не предавать забвению дисциплины по истории экономических учений.

А.Н.МАКАРОВ, Э.А.МАКАРОВ

Политэкономические проблемы реформы земельной собственности в России

В статье говорится о противоречиях и конкретных результатах затаенного коварства столь привлекательного (на первый взгляд для крестьян) варианта реформ в виде бесплатной раздачи земли и имущества, а также о его ближайших и долгосрочных последствиях. Изложенная позиция противоречит сети запущенной модели земельной реформы, демонстрирующей разрушительные результаты своего осуществления, ставит под угрозу продовольственную независимость и суверенную среду обитания.

На рубеже XX-XXI вв. внимание экономистов приковано к информационным ресурсам, креативному человеческому потенциалу, нано- и биотехнологиям. Между тем земля как важнейший ресурс сельскохозяйственного производства оказался в тени. В то время как не утрачивает свою важность и проблема земельных реформ, связанных с отношениями собственности и форм хозяйствования в аграрном секторе.

В силу важности объекта и тонкости материи общественных отношений, связанных с собственностью на землю, реформы в этой области должны проводиться с особой тщательностью. Этому учит и вертикальный опыт истории, и горизонтальный опыт (земельная реформа в Китае, например).

Перед реформаторами во все времена вставал самый важный вопрос: в чьих интересах проводить реформу. Два главных субъекта всегда были в центре аграрных отношений:

собственник и производитель. Форма аграрного производства, основанная на частной собственности, и социально-экономического отделения земли от производителя, обременительна для последнего и для всего общества. Реформы в интересах производителей благ аграрного происхождения повсеместно давали положительные результаты. Чем менее обременителен доступ к земле, к главному средству производства, тем больше экономической свободы, тем ниже издержки и больше общий результат.

Исходные внутренние проводимой в России аграрной реформы:

1. Став мнимыми собственниками как владельцы паев и долей (на бумаге), крестьяне оказались отделенными от земли как средства производства. Отделение сельских работников от земли как производственного ресурса под коварным предлогом превращения их в собственников является главной причиной разрушительных процессов: резкий спад производства, выбытие земель из производственного использования, разрушение сельской инфраструктуры, деградация сельского населения и т. п.

2. Крестьяне не состоялись и как собственники. Этот процесс сдерживается трудностями технического и экономического порядка, хотя спонтанно процесс выделения долей в натуре и оборот прав на них происходит в криминальных формах.

3. Можно предположить, что доли в натуре будут выделены, а права собственности будут оформлены. Наступит период свободного рыночного оборота земельных участков. Это и есть конечный замысел реформаторов. К этому времени многие доли за бесценок уже будут проданы, история с ваучеризацией получит второе издание. Рынок земли расставит покупателей в очередь по мере их платежеспособности. Первыми там будут не те, кто намерен производить, а те, кто будут далеки от таких намерений. Здесь отделение капитала-собственности от капитала-функции получит применительно к сельскому хозяйству свое логическое завершение. Производитель, отделенный частной собственностью от средств производства, будет обременен арендной платой, а общество - земельной рентой. Сегодня очевидно то, что продолжать землепользование в долях явно нецелесообразно и бесперспективно.

Конструктивная позиция в сложившейся ситуации предполагает разработку концепции корректировки земельной реформы, направленную в сторону максимального благоприятствования созданию массового производителя сельскохозяйственной продукции при сохранении титульной собственности за государством. Основная идея в проведении реформы земельной собственности должна быть в том, чтобы главной фигурой в аграрном секторе с индивидуальной и общественной точки

зрения выступал не титульный собственник земли, а предприниматель, т.е. производитель сельхозпродукции. При этом структуру земельной собственности как системы следует рассматривать на трех уровнях.

В России сложилась уникальная ситуация, когда еще не состоялась полная экспроприация земли частными собственниками. И это оставляет возможность реального решения проблемы собственности на землю в интересах всего общества.

В.М. МЕЛИХОВСКИЙ

От явления к сущности как методе оценки особенностей теоретической модели современной мировой экономической войны

В течение всего 2014 года на нас обрушилась огромная масса информации о конфликтах стран и экономических союзов при решении спорных вопросов. Получили широкое распространение санкции как один из ведущих инструментов давления...Уже насчитывается примерно 20-25 их признаков – секторальных, временных, финансовых, персональных. В связи с этим необходимо выделение в текущих событиях существенных признаков явления, а также рассмотрение тенденции развития.

Мы предлагаем новую экономическую категорию - «мировая экономическая война» как новый этап развития процессов «холодной» войны. По моему мнению, по сравнению с послевоенным периодом у взаимодействия стран сейчас появились новые признаки, которые нужно учесть при составлении теоретической модели мировой экономической войны. Условием ее возникновения выступает процесс формирования нового полицентричного мира, когда в целях достижения преимуществ и господства при ограниченности мер военного принуждения нужно применять более эффективные экономические методы. Но это не отменяет борьбы двух противоречивых тенденций: с одной стороны, страны усиливают свое стремление к самоизоляции и импортозамещению как способ преодоления последствий санкций. С другой стороны, процесс интеграции усиливается из-за стремления ускорить темпы экономического роста. Эти тенденции перманентны и не взаимоисключаемы.

Каковы основные особенности новой категории. Во-первых, участниками конфликтов сейчас выступают не отдельные страны, а блоки государств, временные или более постоянные. Так, против РФ впервые объединились экономики США и стран Западной Европы, что обеспечивает многократное увеличение экономической мощи одной из противоборствующих сторон. .

Во-вторых, в отличие от предыдущего периода, когда экономическое противодействие имело часто скрытый характер и предполагало использование легальных механизмов всемирных экономических организаций, сейчас этого недостаточно. Война происходит в открытой форме и сопровождается

применением методов «выкуривания рук» союзникам по объединениям, «цветных» революций, гражданских локальных войн (Ливан, Сирия, Украина).

В-третьих, предыдущие экономические столкновения и санкции имели во многом секторальный вид (война в связи с «ножками Буша», яблочная война). Потому по срокам они были непродолжительными. Страновые санкции были более продолжительными (Куба) и локальными. Но сейчас, как видно из практики, газовая война, сланцевая война, финансовая война может охватывать многие десятилетия и происходить на разных фазах большого экономического цикла.

В-четвертых, предыдущие экономические столкновения имели разные прикрытия, в том числе использование различий в религиях, в расовой принадлежности. Сейчас они сохраняются, но на первый план в виде универсального сопровождения выходит экономический национализм как идея об исключительном праве каждой нации на свою территорию и на доходы с ее ресурсов.

В-пятых, из-за возрастания роли финансовых ресурсов в экономике на первый план выходят финансовые инструменты экономической борьбы за преимущества в борьбе за выживание, в том числе доступность к кредитам, завоевание позиций на рынке конвертируемых валют, платежных систем, обеспечение такой доли на рынке товаров и услуг, которая позволяет стране участвовать в регулировании цен и перераспределении доходов (например, доходов от продажи нефти).

В-шестых, при раскручивании санкционной спирали в сферу влияния попадают не только государственные структуры, но и частный бизнес.. Это придает государственно-частному партнерству новые черты и функции, в том числе прямая финансово-бюджетная поддержка того бизнеса, который выходит на зарубежные рынки, совместное освоение новых технологий доступа на рынок перспективных продуктов и услуг, активная защита от блокирования активов, конфискаций, предоставление преференций при переподготовке кадров, правовое сопровождение.

В-седьмых, постепенно формируется потребность в новых специалистах по проведению экономических войн и санкций. Соответственно должна быть создана управленческая структура по организации противодействия санкциям конкурентов и проведению активных мер по защите своих законных интересов.

Таким образом, экономическая война из локального и сравнительно кратковременного явления стала превращаться в инструмент мирового противостояния экономических интересов стран и их элит в борьбе за выживание и получение дохода. В соответствии с этим выводом должны быть изменены стратегия и тактика экономической политики страны, существенно модернизирован институциональный механизм защиты национальных интересов.

А.М. МУСАЕВА

Неоинституциональная и политэкономическая концепция интеллектуальной собственности

В настоящее время экономическим мейнстримом в изучении проблем интеллектуальной собственности является неоинституциональная экономическая теория. Методологические рамки неоинституционализма не позволяют ему выйти за пределы понимания интеллектуальной собственности как правоотношения. Неоинституциональная теория исследует право интеллектуальной собственности как экономический институт. То есть, с точки зрения стимулов, которые тот или иной режим интеллектуальной собственности придает поведению свободных агентов.

Для успешного выполнения своих функций, права интеллектуальной собственности должны быть специфицированы как можно более полно. Объекты, спецификация которых связана с запретительно высокими издержками, не получают должной правовой охраны. Примером таких благ являются общественные блага. Хорошо известны характеристики объектов интеллектуальной собственности, роднящие их с общественными благами: неисключаемость, неконкурентность, неуничтожимость в потреблении. В результате за границами регулирования остаются такие, например, результаты интеллектуальной деятельности, как традиционные знания и выражения культуры, а также открытия. Рыночная экономика предполагает присвоение каждым членом общества доли общественного продукта в зависимости от его положения в системе прав собственности. Поэтому размытые права собственности могут приводить к дискриминации экономических интересов производителей интеллектуальных благ, в частности, ученых.

По мнению ряда исследователей, особенности объектов интеллектуальной собственности приводят к «провалам» рынка при попытке распределить ресурсы в сфере производства нового знания. Из чего делается вывод о предпочтительной концентрации инновационной деятельности в руках государства. Более широкое признание получила точка зрения, согласно которой усилия необходимо направлять на решение проблемы спецификации там, где это возможно. То есть принадлежность объектов интеллектуальной собственности необходимо разграничить и закрепить за конкретными субъектами. Право интеллектуальной собственности направлено на то, чтобы временно подавить в интеллектуальной собственности ее общественное начало. При этом во главу угла ставятся интересы инвестора (возможность извлечь монопольную прибыль), а не общества или создателя интеллектуального продукта.

Политэкономический взгляд на природу интеллектуальной собственности дает возможность изучать ее как систему хозяйственных отношений, возникающих между людьми в процессе производства, распределения, обмена и потребления нематериальных благ, и с точки зрения той роли, которую эти отношения играют в процессе

общественного воспроизводства. Такого рода отношения существовали в обществе всегда, в отличие от права интеллектуальной собственности, получившего свое развитие в 17-18 веках.

Первым реальным отношением интеллектуальной собственности в этом случае нужно признать умственный, творческий труд. Интеллектуальный труд противоречив по своей природе – с одной стороны, он индивидуалистичен, несет на себе глубокий отпечаток личности автора, с другой стороны – сугубо общественен, связан с потреблением накопленного обществом массива знаний.

Потенциальный творческий труд, способность к творческому труду, по аналогии с рабочей силой, можно назвать творческой силой. Представляется возможным включить способность человека к творческому труду в понятие человеческого капитала. Доход, получаемый собственником интеллектуального капитала, имеет, таким образом, характер интеллектуальной ренты.

При таком подходе собственность на интеллектуальные блага, даже оставаясь частной, не ограничивается только своим правовым измерением, регулирование отношений собственности поднимается на качественно новый уровень – уровень нравственности. Внешнее противостояние между общественной и частнособственнической сторонами отношений интеллектуальной собственности сменяется их внутренним единством как единичного и всеобщего.

А.С. НЕШИТОЙ

Кризис современной мировой и российской экономики и экономической науки (возрождение политэкономии)

1. Становится общепризнанным в экономическом сообществе, что современный глобальный экономический кризис представляет собой системный кризис в целом современного мирохозяйственного устройства. В кризисном состоянии находится и экономическая наука. Применявшиеся до последнего времени выработанные экономической наукой методы и инструменты, объяснявшие причины возникновения кризисов и выход из них, оказались непригодными для современной ситуации. Стихийно-фиктивный процесс движения стоимости общественного продукта в воспроизводственном процессе привёл к такому отрыву финансового сектора от реального, т.е. от его

материальной основы, при котором утеряна возможность управления экономическим процессом.

2. Современные макро-экономические теории, основанные на Концепции рациональных ожиданий и господствующее ныне в нашей стране либерально-рыночное направление в экономической науке по определению не могли не только предвидеть возникновение кризиса мировой экономической системы, но и, тем более, обосновать практические рекомендации по выходу из него.

3. Прежние формы и методы регулирования экономическим развитием вступили в резкое противоречие с главным принципом капитализма – конкуренцией. Именно конкуренция стала служить олицетворением неравенства, именно она предполагает безудержное стремление к прибыли и неравенству. Неуправляемый рынок по воле конкуренции – спекулятивно-стихийный по определению, изменил социально-политическое состояние капитализма. Происходит неудержимое расслоение общества, сокращается средний класс. Это касается не только развивающихся стран и, в частности, России, где ежегодный разрыв между 10% богатыми и низкооплачиваемыми группами населения достигает, по независимым оценкам, 1 к 20 и более, но и высокоразвитых стран, в том числе и США. Если в них в 1974 г. 1% наиболее обеспеченных американских семей распоряжался 9% ВВП, то ныне, эта цифра по имеющимся оценкам превышает 30%.

4. Экономическая наука в России в течение уже более 20-летнего периода остаётся без своего фундамента – политической экономии. За это время в ней, на наш взгляд, образовался вакуум. Фундаментальная наука деградирует, а прикладная, по сути, исчезла, не имея фундамента. Появилась масса исследований научно-практической непригодности в рамках рыночного фундаментализма. В них потерян «экономический язык»: отсутствуют экономические категории, экономические закономерности и законы, экономический механизм, системно-диалектический подход к управлению экономическими процессами, теория воспроизводства, экономическая система и т.д. Возникли десятки понятий «экономика»: макро- и микроэкономика, инвестиционная экономика, эволюционная экономика, институциональная экономика, экономика знаний, физикоэкономика, математическая экономика и т.д.

5. Действующие образовательные стандарты по подготовке экономистов, финансистов, специалистов банковского дела лишь закрепляют деградацию экономической ситуации в стране. Готовящиеся кадры, по сути, не способны к масштабному осмыслению экономической ситуации, не владеют научно-обоснованными

методами управления экономикой, остаются ограниченными специалистами в рамках рыночного фундаментализма.

6. Урон экономической науке в России нанесён забвением в последние десятилетия её фундаментальной основы – политической экономии. Возрождение политэкономии, как фундамента экономической науки, включение дисциплины « Политэкономия» в общеобразовательные стандарты по подготовке специалистов в вузах для управления экономическими процессами - острейшая необходимость. Её возрождение позволяет обеспечить научную систематизацию экономических категорий и понятий, обосновать систему объективных экономических законов и выработать механизм их реализации в управленческой деятельности государственных институтов. Представляется настоятельной необходимостью формирование на базе кафедры политэкономии МГУ им. М.В.Ломоносова общероссийского организационного комитета по возрождению политэкономической науки и подготовки учебника для ВУЗов «Политическая экономия». Это стало бы важным событием в честь 210 –летия кафедры Политэкономии МГУ им.М.В. Ломоносова.

Е. Е. НИКОЛАЕВА

**Познавательные возможности политической экономии
как современного направления экономической науки**

Современное экономическое развитие рождает ряд вызовов весьма актуальных для политической экономии как науки. Рыночные реформы привели к тому, что тема воспроизводства, его типов, условий воспроизводства оказалась незаслуженно забыта. В условиях господства мейнстрима как наиболее влиятельного направления экономической науки назрела необходимость поднять статус политэкономического видения, усилить внимание к объективным основам социально-экономического развития. Политэкономия на основе воспроизводственного подхода позволяет выявить важные вопросы экономико-теоретического плана, сочетающие экономический и социальный детерминизм, на которые должна опираться экономическая политика. Одним из таких вопросов являются распределительные отношения (РО) как развивающаяся категория, которую следует трактовать расширительно как симбиоз, с одной стороны, отношений производства, с другой стороны – отношений обмена.

Распределительные отношения в аспекте производства, с одной стороны предполагают распределение условий производства, а с другой стороны – фондообразование в соответствии с экономическими законами для обеспечения общественно нормального уровня воспроизводства. Так, в 90-е годы в результате

либерализации цен на предприятиях исчез фонд амортизации, что негативно сказалось на развитии экономики страны в целом. Нехватка оборотных средств – это нарушение требований законов воспроизводства, несоответствие требованиям закона стоимости. Вопрос о внутренней пропорциональности – вопрос развития самого производства. Целесообразно трактовать внутрипроизводственных пропорций и адекватных им «финансовых» фондов в качестве механизма распределения в рамках производства. При этом встает вопрос о согласовании интересов участников: работника, фирмы, государства.

Поскольку рыночное производство является товарным, постольку его возобновление предполагает реализацию на рынке ранее произведённых товаров (распределение стоимости идет после реализации продукции).

Распределительные отношения в аспекте обмена предполагают, что законы рынка (закон стоимости, законы спроса и предложения, законы конкуренции) трансформируют нормативные пропорции в фактические (рыночные). Рынок осуществляет завершающую оценку результатов деятельности, определяет степень адекватности внутрипроизводственных пропорций требованиям рыночных законов. Корректирующая роль рынка означает, что под влиянием действия рыночного механизма внутрипроизводственные нормативные пропорции, включая отраслевые и территориальные пропорции, соответствующие общественно необходимым требованиям, изменяются; стоимостные фонды превращаются в реальные денежные фонды.

При этом не подвергается сомнению организующая роль рынка, но подчеркивается, что эта организация может носить деформационный характер (деформации как отклонения от требований каких-то экономических законов или социальных и институциональных нормативов в сторону ухудшения). Однако рыночная коррекция может вести и к улучшающим характеристикам. Можно привести пример с ценами на нефть (благоприятная конъюнктура мирового рынка). Тема корректирующей роли рынка (распределение + обмен) относительно стадии производства правомерна и нуждается в разработке.

При устойчивом отклонении пропорций в сторону ухудшения от нормативных образуются деформации РО, влияющие на состояние экономической системы в целом. Деформации РО трактуются как устойчивый отрицательный результат коррекции рынка, как неадекватность фактически складывающихся пропорций требованиям общественно необходимых потребностей в экономическом и социальном аспектах с учетом институциональных норм. Воспроизводственные деформации возникают как результат искажения, нарушения РО под влиянием объективного процесса корректирующей роли

рынка. Это предполагает содержательный анализ этих деформаций, факторов, способствующих их возникновению, социально-экономических последствий деформаций.

Таким образом, использование воспроизводственного подхода, которым сильна политическая экономия, весьма актуально.

В.А. ПЕТУХОВ

Модернизированная теория Давида Рикардо

1.) Модернизация данной теории позволяет применить ее для анализа и прогнозирования современной экономической цикличности. Существует много доказательств того, что среднесрочные экономические циклы порождаются колебаниями нормы прибыли.

2.) Наиболее полно причина данных колебаний описывает теория Уэста-Рикардо. Уменьшение нормы прибыли в предельном продукте происходит в результате того, что рост населения ведет к необходимости обработки менее плодородных земель и земель, менее удобно расположенных по отношению к рынкам сбыта, т.е. происходит увеличение доли затрат в стоимости предельного продукта. Увеличение нормы прибыли происходит в результате применения новых сельскохозяйственных машин, удобрений и т.д. – словом новых технологий, которые снижают стоимость жизненных средств, необходимых для нормального воспроизводства наемных работников.

3.) С развитием экономики в затратах наряду с зарплатой все в большей степени начинают учитываться затраты на машины, оборудование и т.д. Здесь Рикардо, анализирующий преимущественно живой труд, занимает неопределенную и противоречивую позицию.

4) Я предлагаю 2 пути решения данного вопроса – короткий и длинный.

5.) Первый путь: современные подходы к анализу дополнительных вложений ($MR = MC$, методика UNIDO, основанная на анализе денежных потоков с использованием операции дисконтирования) показывают, что совершенно все равно, куда вкладываются деньги – в наем дополнительных работников или в приобретение машин и т.д. И в том и в другом случае создается дополнительный доход. То есть, повсеместно распространенный практический подход свидетельствует о том, что стоимость создается и живым трудом и неодушевленными машинами, – прибыль создается и живым трудом и неодушевленными машинами.

В целом рабочая сила, которую продает наемный работник, является всего лишь одним из огромной массы товаров. Предприниматель, организуя производственный процесс, покупает массу иных товаров (станки, оборудование и т.д.), в отношении которых он тоже

просчитывает, что он купит их по одной стоимости, а они создадут стоимость больше той, которую он заплатил. Разнообразные станки и оборудование в этом отношении находятся в равном положении с рабочей силой. Ведь наемного работника вполне можно рассматривать как «биологический механизм» или «биологическую машину», которая, так же как и всякая иная машина, требует периодической заправки «топливом», «смазкой», требует «сезонного и текущего обслуживания» и т.д..

Отсюда напрямую следует, что неодушевленная машина тоже создает стоимость – она не только окупает затраты на себя, но и при определенной производительности создает дополнительную стоимость. К подобным машинам следует отнести, по крайней мере, активную часть постоянного капитала – станки, транспорт, оборудование, и некоторую часть пассивных элементов - помещения, цеха, склады и т.д. Эту дополнительную стоимость (или дополнительную прибыль) можно обозначить как величину p . Говоря иными словами, p -стоимость - это разница между стоимостью, которую станок создает при своей эксплуатации, и стоимостью, которая необходима для нормального воспроизводства станка.

6.) Я анализирую длинный путь, по которому отправился Маркс, и который предположил, что постоянный капитал воспроизводится той стоимостью, которую он перенес на продукт. Однако он остановился, не пройдя и половины этого пути, - т.к. стал склоняться к мнению, что общая сумма прибавочной стоимости может отличаться от общей суммы прибыли. Я показываю как дальше «пройти» этот путь. В целом, выводы из этих 2-х путей получаются одинаковые. Основное – механизм колебаний доли затрат в отношении живого труда в предельном продукте в равной степени относится и ко многим элементам постоянного капитала.

7.) Понимание механизма колебаний нормы прибыли дает возможность построить модель среднесрочного экономического цикла.

8.) Возникает возможность легко решить застарелый спор о разнице между стоимостью и ценой производства. Здесь можно дать следующий ответ. В отраслях с высоким органическим строением капитала большая часть прибыли будет состоять из p -стоимости, а в отраслях с низким органическим строением капитала большая часть прибыли будет состоять из прибавочной стоимости. Таким образом, различные величины прибавочной стоимости в различных отраслях будут компенсироваться различными величинами p -стоимости, что и обеспечивает примерно одинаковую норму прибыли в различных отраслях с различным органическим строением капитала. Поэтому стоимость и цена производства - это одно и то же.

Э.П. ПИВОВАРОВА

Судьба политической экономии в КНР.

В отличие от большинства бывших социалистических стран, пошедших в рыночные отношения путем отрицания и разрушения всего прежнего не только практического, но и теоретического багажа, в КНР на протяжении всех лет реформ, внимательно исследуя как свой, так и зарубежный опыт, как правило, после экспериментального апробирования, вводили в практику страны то, что еще до недавнего времени считалось «табу» для социалистического общества.

Уже в начальный период реформ Дэн Сяопин говорит о необходимости при строительстве социализма с китайской спецификой творчески подходить к существующему теоретическому наследию: "Основные принципы марксизма-ленинизма и маоцзедуньидей мы никогда не отвергнем, это не подлежит сомнению. Однако их обязательно надо сочетать с практикой, необходимо в процессе исследования анализировать реальную обстановку, разрешать практические вопросы». Определение курса работы в соответствии с реальной действительностью он называет при этом «самым главным идеологическим методом работы КПК»¹.

В отличие от нашей страны, где с первыми же ориентирами на рыночные реформы началась повальная критика прошлого, закрытие кафедр политической экономии или переименование их в кафедры «экономических теорий», в КНР марксизм, наряду со многими другими экономическими учениями, все годы реформы продолжали углубленно изучать в ведущих вузах страны и не потому, что этого требует идеология, а для того, чтобы быть грамотными, ибо без знания, к примеру, теории воспроизводства, наиболее глубоко и полно разработанной именно К. Марксом, не может быть грамотного экономиста.

Г.А. РОДИНА

Политическая экономия XXI века: востребована или списана в архив?

В СССР марксистская политическая экономия считалась единственным научным направлением в экономике. В перестроечной России её оценка изменилась на противоположную: «учение К. Маркса неверно, потому что ложно» (В.Н. Костюк). Неслучайно новые ГОСы и ФГОСы вывели Маркса из экономической теории и для специалитета, и для бакалавриата, сохранив его лишь в истории экономических учений. Современная эпоха нуждается в политической экономии, особенно в методологическом и

воспроизводственном ракурсах, однако лишь в виде одной из составных частей целого комплекса наук, расширяющих предметное поле экономического исследования. Политическая экономия не то чтобы «устарела», но в целом ряде случаев динамика развития современной цивилизации требует более целостного понимания предмета экономики, включающего новые перспективные подходы, особенно на стыках научных дисциплин и теоретических ориентаций.

Это связано с глубинным изменением экономической ткани общества. Политическая экономия – наука индустриального общества, с его приматом массового промышленного производства, материальной сферы, пространственной экспансии. Постиндустриальное общество меняет соотношение между материальным и нематериальным, реальным и виртуальным, пространством и временем, производством и обменом. Неосвязаемые блага начинают управлять миром машин – миром реальности. Политическая экономия в её традиционном варианте нуждается в определённых дополнениях.

Ортодоксальная политэкономическая трактовка (культура народа складывается и функционирует в зависимости, прежде всего, от экономических и политических обстоятельств), переживает парадигмальный поворот, который в математической формулировке будет выглядеть так: от формулы $K = f(\mathcal{E}, \Pi)$ мы переходим к формуле $\mathcal{E}\Pi = f(K)$ (где K – культура; \mathcal{E} – экономика; Π – политика; f – функция, указывающая на характер взаимозависимости указанных величин).

Мы расцениваем самыми перспективными исследования, проводимые в русле «метаморфозы» соотношения «экономическое – духовное» – в «духовное – экономическое».

Этот путь проторили Э. Бернштейн, М. Вебер, С. Булгаков, В. Зомбарт и другие представители немецких исторических школ, а позднее – институционализма. Мир экономического бытия было предложено трактовать в качестве многофакторного образования, где наравне с экономической составляющей действуют психологические, социальные, аксиологические, трансцендентные, институциональные факторы. В итоге мы попадаем в пограничную область между политической экономией, экономической теорией, историей, правом, социологией, культурологией, философией.

Наиболее приближены к этой синтезированной предметной области современные разновидности институционально-социологического направления – неинституционализм Р. Коуза, Д. Норта и новая политическая экономия (!) Дж. Бьюкенена, Г. Таллока.

О перспективах трансформации структуры политической экономии можно судить по происходящим изменениям *и со стороны предмета, и со стороны методологии.*

(1) С одной стороны, происходит *расширение* предметного поля за счёт появления новых разделов теоретической экономики, которые раньше не входили в предмет экономической науки, таких, как социэкономика, генетическая экономика, эконофизика, вычислительная экономика, экспериментальная экономика, политическая экономия развития, политическая экономия пространства, политическая экономия терроризма, политическая экономия голода, феминистская, экологическая, структуралистская, конституционная, неортодоксальная политическая экономия, политэкономия власти и др.

С другой стороны, одновременно происходит и *истончение* предметного поля: часть проблем всё в большей мере изучается другими обществоведческими науками; например, феномен *фиатных денег*, опирающихся на декларируемый авторитет государственной власти, вошёл в предмет политологии.

Это приводит и к позитивным (обогащение теоретической экономики междисциплинарными исследованиями), и к негативным (опасность диффузии особого предмета науки, ведущая к его утрате) последствиям.

(2) Формируется *плюрализм* в методологии, что также имеет неоднозначную оценку:

- с одной стороны, - своеобразный возврат к многоуровневости;
- с другой стороны, - риск механического соединения качественно разнородных методологических платформ.

Процессы, происходящие в политической экономии, были сотню лет назад предсказаны М.И. Туган-Барановским: «Политическая экономия частью превратится в теорию экономической политики, а частью войдёт в состав более общей науки об обществе - социологии».

Таким образом, *политическая экономия в современную эпоху актуальна, но лишь как составная часть целого комплекса наук, расширяющих и предметное, и методологическое поле экономического исследования.*

А.В. СИДОРОВИЧ

Современная политическая экономия в широком смысле и национальная экономика

1. Коренным вопросом перехода российской экономики на новый этап развития является признание концепции российской экономической системы (национальной экономики России) в качестве базы для новой экономической политики и преобразований общества в современных условиях.

2. Положение о политической экономии в широком смысле слова не является новым в экономической науке. Оно в той или иной форме воспроизводится в течение двух последних столетий. Высказанное Ф. Энгельсом положение о том, что политическая экономия – это «наука о законах, управляющих производством и обменом материальных жизненных благ в человеческом обществе», полемика по данному вопросу в начале XX века, исследования кафедры политической экономии экономического факультета МГУ во второй половине XX века, труды ряда исследователей показывают, что значимость данного вопроса для нашей науки очень велика. Ответ на него позволяет более строго определить сам предмет нашей науки, не свести его только к формационному подходу и прямо нацеливает на необходимость помнить о том, что политическая экономия имеет дело «с исторически меняющимся материалом». Экономические системы стран – это и есть исторически меняющийся материал, существующий не только во времени, но и пространстве. Мы не должны забывать о том, что развитие экономических систем – это не линейно развивающийся процесс, а, как показывает современная картина мира, процесс сосуществования систем, которые в реальной истории принимают форму экономических систем государств (национальных экономик) и воспроизводятся в современном мире. Следовательно, политическая экономия в широком смысле слова, включающая изучение национальных экономических систем, и тем самым более конкретно и ясно определяет смысл и логику политико-экономической системы экономической науки.

3. Неоклассическая система экономической науки и неоинституционализм, развивающийся на ее базе, также исходит из широкого понимания науки. Однако, на системном уровне – это иной подход к предмету науки. Апелляция не к отношениям между людьми в обществе, к *общественным отношениям*, а определение рационального выбора ставить по-иному подход к экономической науке в широком смысле слова. Индивидуальный выбор (рациональный, ограниченный) независимо от страны, независимо от общественной сферы (политика) везде имеет общие принципы. Хотя данный подход в идеале адекватен анализу рыночных систем, однако, он применим и в системах другого типа. Данный подход не ставит вопрос об экономическом воспроизводстве экономических систем или экономических систем

стран. Наоборот, он уходит от этого. Подход с точки зрения национальной экономики, ее специфики чужд неоклассике.

4. Современное развитие общественных наук характеризуется тем, что их дифференциация сочетается с бурной интеграцией, обогащением выводами, методами друг друга. Особенно интенсивно этот процесс происходит в сфере взаимосвязи экономических и политических наук. Связь между ними имеет глубокие корни, так как первые труды в области политической экономии были вызваны потребностями разумной экономической политики. Почти 400 лет назад это привело к новому названию нашей науки. Процессы, происходящие в области политики катализировали особое внимание к «новой политической экономии» и придали новый смысл классическому понятию политической экономии. За различными трактовками «новой политической экономии» скрывается то, что сутью подхода данного направления является исследование в политической сфере с использованием выводов теории рационального выбора и эконометрических методов для анализа и управления организацией политических процессов. Однако, на наш взгляд, потенциал «новой политической экономии» в контексте современной политической экономии в широком смысле значительно выше. Политические решения, особенно в области экономической политики, невозможны без осознанного понимания смысла экономической системы страны, этапа ее развития и, разумеется, в условиях рыночных систем, понимания смысла механизмов действия макроэкономической политики. Такой подход придает новый смысл современной политической экономии в широком смысле слова, которая неизбежно через взаимодействие с другими общественными науками служит более глубокому пониманию процессов, происходящих в обществе и выработки экономической политики, адекватной состоянию общества, а также применению современных методов и инструментов в политической практике.

Э.Н. СОБОЛЕВ

**Политэкономический и социологический подход в исследовании
экономических процессов**

В марксистской и советской традициях социально-классовая сторона экономических процессов является определяющей ко всем другим аспектам общественного развития. Естественно, и политическая экономия как наука, занимающаяся социально-классовыми отношениями, занимала ведущее место не только в системе

экономических наук, но и шире в системе социальных наук (политология, право, этика и др.).

С крахом советской системы и советской общественной науки ситуация кардинально изменилась. В литературе в достаточной степени подробно описано и подвергнуто критике такое явление как экономический империализм, т.е. попытка объяснения всех проявлений человеческого бытия сквозь призму рыночных отношений, с позиций голого чистогана. Но имеет место и противоположный процесс – агрессивность, даже экспансия других наук в экономическую сферу, в частности социологии. Последняя активно вторгается в сферу экономики.

Такой «социологический империализм» имеет свое объяснение. Официальная постсоветская экономическая наука в значительной мере порвала с социальными традициями, присущими советской экономической школе и была низведена до неоклассического обрубка типа «экономикс» с его абстрактным экономическим человеком. Социальное оказалось вытесненным из экономической науки, в лучшем случае оказалось на обочине экономических исследований. В этих условиях социология *компенсировала* этот недостаток экономического мейнстрима, когда взяла на себя задачу исследования социальной стороны экономических, прежде всего трудовых, процессов. В какой-то степени социологический подход позволил спасти лицо отечественной общественной науки с ее акцентом на социальную проблематику.

Но у этого явления имелась оборотная сторона – попытка подмены собственно экономических исследований опросной статистикой, статистикой мнений, носящей в значительной мере субъективный характер. В результате возникают неадекватные суждения о реальном положении дел. Эксперты настолько отрываются от жизни, что начинают судить о *реальности не по фактам, а по представлениям о ней собственных граждан*. А эти представления открыты для целенаправленного формирования в нужном направлении со стороны власти, СМИ, различного рода групп влияния. Они не всегда отражают объективную картину, более того могут носить извращенный характер. Поэтому сегодня стоит задача восстановления естественного междисциплинарного разделения труда между экономикой и социологией.

В чем отличие экономического и социологического подхода? Экономика исследует *объективную сторону* производственных отношений, т.е. базируется на объективных индикаторах (продолжительность рабочего времени, тип контакта, размер и дифференциация зарплаты и т.п.). Социология же имеет дело преимущественно с субъективной – социально-психологической – стороной труда (мотивация труда, оценки труда, отношение к труду и т.п.). Типичные социологические вопросы - удовлетворен ли

работник своим трудом, считает ли он свою зарплату справедливой, каковы мотивы к более производительному труду, боится ли он потерять свое рабочее место.

Есть еще одно отличие. Для социолога личность не сводима к той роли, какую она играет в трудовом процессе (работодатель, наемный работник или самозанятый). Такие характеристики как пол, возраст, национальность, психологический тип, межличностные связи в коллективе и т.д., с социологической точки зрения не менее важны, чем объективные социально-экономические определенности, равноправны последним.

Восстановление значения объективных индикаторов реальных экономических процессов весьма важно еще в одном отношении. Дело в том, что не только в политике, но и вообще в социальной области истина и ложь не то, чтобы не существуют, но играют подчиненную роль. Главное это интересы и политическая экономия как наука раскрывает объективную обусловленность интересов, отвечает на вопрос, кому и почему выгодна та или иная система экономических отношений. В этом суть и актуальность политэкономического анализа.

Н.В. СЫЧЕВ

Формирование многоукладной экономики современной России.

1. Как известно, формирование многоукладной экономики современной России началось с разрушения огосударственной системы хозяйствования, сложившейся в нашей стране в постоктябрьский период и просуществовавшей до начала 90-х г.г. Оно осуществлялось посредством политики «шоковой терапии» с целью создания «чистой, стартовой площадки» для ускоренного перехода к капиталистически ориентированной рыночной экономике. Напомним, основными элементами этой политики являлись: либерализация цен, либерализация внешнеэкономической деятельности, приватизация и макроэкономическая стабилизация. В результате столь широкомасштабных преобразований произошли коренные изменения во всех сферах общественной жизни. Причем эти изменения имели ярко выраженные негативные последствия (чрезмерный рост цен, обнищание населения, криминализация экономики, разрушение промышленного потенциала, деградация сельского хозяйства, имущественная и социальная дифференциация и т.п.).

2. В таких весьма своеобразных и противоречивых условиях начался процесс становления многоукладной экономики. В основе данного процесса лежит многообразие форм

собственности. Вопрос об их классификации остается дискуссионным, о чем свидетельствуют многочисленные публикации. На наш взгляд, в современной российской экономике можно выделить следующие формы собственности: государственную, муниципальную, крупную и среднюю частную (капиталистическую), мелкую частную (некапиталистическую), акционерную и смешанную. Что же касается, например, кооперативной собственности, то она находится в зачаточном состоянии, явившемся следствием упразднения колхозной собственности. Последняя административным путем была превращена преимущественно в акционерную собственность.

3. Все эти формы собственности находятся в переходном состоянии, в движении, взаимодействуют друг с другом, обогащая тем самым свое содержание. Подобное состояние форм собственности обуславливает, в свою очередь, переходный характер формирующихся экономических укладов (как, впрочем, и экономики в целом). Специфика их такова.

Государственный уклад представлен промышленными, сельскохозяйственными, транспортными, строительными, торговыми, банковскими и иными предприятиями, находящимися в ведении государства. В результате приватизации государственной собственности и последовавших за ней институциональных изменений он утратил свои доминирующие позиции и перестал играть ведущую роль в экономике. Об этом свидетельствуют следующие статистические данные. Если в 1990 году доля государственных предприятий (объединений) в общей численности предприятий и организаций была абсолютно преобладающей, то в 1995 году она составляла 16,6%, а в 2012 году – 2,3%, т.е. уменьшилась в 7 раз.

Муниципальный уклад также представлен различными предприятиями: промышленными, транспортными, торговыми, строительными и др., находящимися в ведении муниципальных органов. Подобно государственным, их доля в общей численности предприятий и организаций за указанный период понизилась. Так, в 1995 году она составляла 8,7%, а в 2012 году – 2,3%, т.е. уменьшилась в три раза.

Частнокапиталистический уклад охватывает приватизированные промышленные, сельскохозяйственные, торговые, строительные, транспортные предприятия, а также различные предприятия сферы услуг, коммерческие банки, инвестиционные фонды и другие финансовые учреждения. Будучи капиталистическими, эти предприятия функционируют на коммерческой основе, предполагающей использование наемного труда и максимизацию прибыли как движущего стимула предпринимательской деятельности.

Разумеется, ведущую роль среди них играют крупнокапиталистические предприятия, находящиеся в руках финансово-олигархических магнатов. Вместе с тем удельный вес капиталистических предприятий (объединений) не поддается однозначной оценке. Дело в том, что в госкомстатовских таблицах в рубрику «частная собственность» включаются все частные предприятия независимо от их социально-экономических и организационно-правовых форм. Такой «плюралистический» подход не позволяет, к сожалению, выявить количественные показатели предприятий частнокапиталистического уклада в российской экономике. Однако совершенно очевидно, что роль данного уклада стала доминирующей.

Частноиндивидуальный (некапиталистический) уклад включает в свой состав личные (домашние) хозяйства и малые предприятия, на которых используется труд непосредственных производителей. Вместе с мелкими хозяйственными обществами и товариществами, базирующимися на индивидуальной трудовой деятельности, они образуют систему малого бизнеса в противоположность крупному бизнесу, характерного для вышеуказанного уклада. Эти предприятия функционируют в различных отраслях экономики: промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, торговле, общественном питании, сбыта, заготовки и др. Численность их в середине 90-х г.г. составляла 96% от общего количества предприятий (объединений). Правда, к 2013 году она понизилась до 85,9%, однако, остается весьма значительной. Поэтому система малого бизнеса вносит весомый вклад в решение целого ряда важных макроэкономических проблем, касающихся насыщения различных рынков разнообразными товарами и услугами, установления равновесия между совокупным спросом и совокупным предложением, вовлечения дополнительной рабочей силы в общественный процесс производства, что, несомненно, способствует сокращению уровня безработицы в нашей стране.

Смешанный уклад по своей структуре неоднороден. Он объединяет государственные, государственно-капиталистические (включая предприятия-монополисты, которые функционируют в различных отраслях промышленности: топливной, черной металлургии, цветной металлургии, машиностроении и др.), акционерные общества, совместные предприятия, межхозяйственные объединения и другие предприятия с совместно-долевой формой собственности. По сфере хозяйственной деятельности эти предприятия также охватывают различные отрасли экономики: промышленность, сельское хозяйство, транспорт и связь, строительство, торговлю и др. В конце 90-х г.г. доля смешанных предприятий в общем количестве предприятий (объединений) составляла 3,2% и к 2013 году возросла до 4,1%. Намечившаяся тенденция роста их

численности дает основание утверждать, что в перспективе смешанные предприятия будут играть важную роль в социально-экономическом развитии России.

Наряду с указанными особо выделяется **криминально-теневой уклад**. К нему относятся все предприятия, функционирующие в различных отраслях экономики, в которых осуществляется противоправная, противоречащая закону, деятельность (не фиксируемое официальной статистикой производство товаров и услуг, сокрытие хозяйственной деятельности от налогов, спекулятивные сделки, взяточничество, мошенничество, рэкет и т.п.). Масштабы последней весьма значительны. Так, по мнению исследователей, почти четверть ВВП оседает в недрах данного уклада.

4. Такова структура многоукладной экономики России, сформировавшейся в результате вышеуказанных преобразований. Преодоление присущих ей негативных тенденций диктует необходимость выработки новой научно обоснованной концепции стратегического развития нашей страны, ориентированного на качественно иные социальные приоритеты. Несомненно, решающий вклад в решение этой задачи должна внести политическая экономия, которая, будучи общетеоретической наукой, обладает огромным эвристическим потенциалом.

В.С. ТИКИН

Необходимо вернуть политическую экономию

Представляемую статью лучше начать с небольшой цитаты: «В последнее время все чаще говорят о «кризисе экономической теории»ⁱⁱ. Как представляется, и в названии материалов и в цитате существуют неточности. Во-первых, в названии материалов отсутствует уточнение «фундаментальной», поскольку в прикладной экономической науке имеются определенные успехи. Во-вторых, в современных условиях не может существовать дисциплины «экономическая теория». Для необходимого пояснения следует обратиться к проблеме классификации экономического знания, в рассматриваемом варианте – классификации экономических наук (дисциплин).

Существующие проблемы классификации экономического знания тесно связаны с терминологией, а условием здесь является установление основных терминов и понятий, которые отражают экономическое знание, а также название дисциплин, изучающих его.

В экономической науке, как фундаментальной, так и прикладной, также важна классификация, которая обеспечивает формирование и соответствующее название (наименование) дисциплин на основе фрагментации экономического знания и проведения соответствующих демаркационных разграничительных границ между дисциплинами. В

выделяемой проблеме демаркации огромное значение имеет предмет научной дисциплины, а также название дисциплины на русском языке, которое часто связано с проблемой перевода названий аналогичных или кажущихся аналогичными экономических дисциплин, преподаваемых за рубежом.

Необходимая классификация связана:

- 1) с проведением границ (демаркационных линий) между существующими экономическими науками (дисциплинами)
- 2) с установлением взаимоотношений между науками, установлением иерархии дисциплин.

Первоначальной классификацией в экономической науке занимается история экономических учений (в англосаксонском варианте - история экономического анализа), в которой простая и понятная классификация производится на основе авторства теорий. Конечным итогом проводимой классификации является компоновка теорий в «течения» экономической науки. Здесь уместно отметить, что английское название истории экономических учений «история экономического анализа» звучит совсем не по-русски, поскольку по-русски «экономический анализ» совершенно другая дисциплина.

Конечно, ядром научного знания является теория, однако каждый может вкладывать и часто вкладывает в понятие «экономическая теория» свой смысл, что еще более доказывает необходимость классификации фундаментального экономического знания и замены существующего наименования фундаментальной экономической науки.

К ИСТОРИИ ВОПРОСА

С момента создания любой науки начинается процесс ее фрагментации, т.е. распада на части общей области знания на самостоятельные дисциплины, а экономика настолько обширная область, что и наука «экономика» должна иметь многочисленные подразделения. И дело здесь в том, что каждое из направлений науки изучает один и тот же объект – народное хозяйство, но имеет разные предметы исследования. Здесь важно выяснить и уточнить, в т.ч. числе через процесс классификации, где для них общее, а где собственная, самостоятельная часть экономической мысли, формирующая определенную дисциплину там, где предметом исследования становится особенное.

Следовательно, перед экономистами встает важная и трудная задача по классификации экономических явлений и группировки их в научные дисциплины, для успешного и точного воспроизведения предметов своего исследования и изложения перед студентами.

Когда начался процесс фрагментации экономического знания вопрос дискуссионный. Известный термин «экономика» первоначально включал знания не

только экономические, но и технологические – процессы ведения домашнего хозяйства – процесс заготовок, посадок в «подсобном» хозяйстве и т.д. Как представляется, правильное первоначальное название для чисто экономических процессов – хрематистика. Но исторический процесс развития науки и языков закрепляет термин «экономика». Слово «экономика» короче слова «хрематистика», да и представлений о теоретической экономической науке в Древнем мире и в средние века не существовало.

В России издавался аналог книги «Экономика» Ксенофонта, посвященный ведению домашнего хозяйства в условиях России и назывался он словом, которое хорошо и точно переводит слово «экономика» – Домострой, которое укоренилось и закрепились в русском языке. Вероятно, в те времена подготовки книги мало внимания уделялось изучению чужого опыта, и слово экономика на Руси в те времена не оказалось популярным, а «Домострой» лишь отражает специфику страны. С момента издания «Домостроя» можно рассматривать и исследовать проблему перевода и соответствия категорий, связанных между собой в экономической науке в разных языках.

В современных условиях издается много пособий, как связанных с введением домашнего (личного, подсобного) хозяйства, которые к экономике в современном смысле никак не относятся, так и с личным (денежным) обогащением, т.е. связаны с хрематистикой. Именно с разделения экономики и хрематистики начался процесс выделения «чистой» экономической науки, а Аристотель может быть назван первым ученым, применившим классификацию в экономической науке, отделив (выделив) ее от хозяйственной деятельности. Здесь уместно отметить, что экономика, которая формируется под влиянием внеэкономических факторов уже не «чистая» экономика, здесь уместнее термин «хозяйство».

С момента появления книги Ксенофонта экономика как наука развивалась, формируя перечни научных дисциплин, которые меняются, отражая изменения, происходящие в самой науке. Экономическая наука в XX в, прошла сложный путь, который ознаменован процессами дифференциации и интеграции экономического знания, появлением не экономических, «нетрадиционных» ориентаций. На основе возникших теорий оформился ряд новых направлений и школ в экономической науке. В современных условиях экономическая наука достигла определенной зрелости и обрела структуру, позволяющую ей развиваться на собственной основе, появились новые дисциплины, отражающие развитие науки, так и новые варианты названия фундаментальной экономической науки. Но, чтобы упорядочить структуру существующего объема экономических знаний, требуется классифицировать его на основе выбранных критериев.

КЛАССИФИКАЦИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Классификация дисциплин выясняет междисциплинарные отношения и позволяет сравнивать науки, устанавливая одинаковое содержание у дисциплин, называемых по-разному, и устанавливая различие между дисциплинами, называемых в разных языках одинаково. Здесь уместно вспомнить книги Хайека, которые не были насыщены математикой, однако, они рассчитаны на здравый смысл, и обращали внимание на очень странные для экономистов вещи, например, на понимание **строения языка**, которое неизбежно всплывает при классификации дисциплин. Например, приведенный выше вариант соотношения истории экономических учений и истории экономического анализа.

В зависимости от цели, которые ставит та или иная наука при изучении экономических процессов, каждая экономическая наука (дисциплина) в разных языках может носить совершенно различные названия или наоборот, разные науки в разных языках могут называться одинаково. Яркий пример – политэкономия, которая за границей не занимается экономическими законами. Возникающие проблемы названия науки, которую предстоит изучать студентам, относятся к проблемам классификации и для прояснения ситуации требуют выделения критериев классификации.

Как известно, ни одна наука не самостоятельна настолько, чтобы игнорировать работу и достижения других наук. Пограничные вопросы, связывающие отдельные научные области, самые сложные переплетения любого набора наук, часто способны определять внутреннее развитие конкретных наук, а также их пересечение в исследовании реальности. Часто пограничные области наук являются интенсивными точками развития в процессе познания новых процессов и явлений. Однако их необходимо разрабатывать и доводить до определенной степени ясности чтобы, опираясь на их достижения, уверенно проводить отделение (демаркацию) одних наук от других.

В то же время в экономической науке развитие специальных (конкретных) дисциплин часто стало выходить на обобщающий уровень, начали появляться обобщающие научные направления, которые исторически возникали иногда параллельно на разных направлениях и основах - прикладном и теоретическом.

Однако каждая данная наука может, а иногда и обязана пользоваться результатами других наук, поскольку они способствуют пониманию собственного объекта данной науки. С точки зрения именно этой науки знания другой науки могут рассматриваться как чуждые элементы, **подсобные материалы** и не более.

В то же время отсутствие какой-то непроходимой «стены» между естественными и техническими науками, с одной стороны, и общественными - с другой, порождает их

смещение. Конечно, экономическая наука не имеет права претендовать на статус автономной и изолированной дисциплины, совершенно не зависимой от других политических, философских и религиозных доктрин. В результате приводимых рассуждений получается, что обнаруживаются целые пограничные, в т.ч. маргинальные области, а экономические теории часто суть не что иное, как приложение иных наук к изучаемому «народному» хозяйству, термин, который также требует замены, поскольку хозяйство в современном мире уже не народное.

К сожалению, многие науки часто носят различные собственные имена в разных языках, даже в случае, когда изучают одно и то же. Необходимая классификация существующих направлений будет способствовать устранению возникшей путаницы.

Основой классификации являются существенные признаки объектов. Поскольку признаков может быть очень много то и выполненные классификации могут значительно отличаться друг от друга. В принципе, классификация может проводиться по любым критериям, что часто и делается. Современной экономикой, дифференцированной на десятки дисциплин, формируется чрезвычайно мозаичная картина мира, включающая многообразные идеологии, а также типы рациональности.

Любая классификация должна преследовать достижение поставленных целей и выбор цели классификации определяет набор тех признаков, по которым будут классифицироваться экономические знания.

В свое время еще Миллем указывалось: «Цели научной классификации достигаются лучше всего, когда объекты исследования подразделяются на группы в соответствии с большим количеством их возможных критериев, особенно тех критериев, которые для них гораздо существеннее, чем критерии, характеризующие другие группы, в которые те же объекты можно включить»ⁱⁱⁱ.

Проблема нахождения четких критериев, позволяющих отличить одну экономическую науку (дисциплину) от другой, т.е. классифицировать их, одновременно является проблемой демаркации – проведение четких разграничительных линий, границ. Существующая проблема демаркации экономических наук обусловлена внедрением западных стандартов в процесс обучения и замены политической экономии курсом «Economics», а также проблемой выделения фундаментальной экономической науки из общего объема и огромного массива экономической и/или якобы экономической информации.

Любая наука распадается, прежде всего, на теоретическую «фундаментальную» и практическую «прикладную» экономическую науку. Такова первичная классификация экономического знания. Функционально первая обеспечивает сохранение, накопление и передачу знаний, вторая - навыков и умений и по критерию «фундаментальности» - методу формирования теорий уже можно провести определенные демаркационные линии между экономическими науками. Фундаментальная экономическая наука, независимо от того, как она называется, должна заниматься **теоретическим** исследованием, отображением общественно-экономической системы общества или различных обществ в развитии и, в конечном счете, создать теорию о функционировании и развитии экономических систем.

Важность выделения «чистой» экономической науки актуальна еще и потому, что науки, конкурирующие в изучении экономической действительности, стараются указывать собственный путь изменений в хозяйстве, который лишь ими провозглашен в качестве или виде главной теории собственной «школы». В то же время для любых деятелей науки необходимо обеспечить формальное отмежевание своего предмета, в нашем случае - того, что называется экономической теорией, объекта исследований и наметить границы со смежными (экономическими) дисциплинами, а также по причине того, что каждый «ученый» стремится создать собственную науку.

При формируемом разделении (классификации на базе «фундаментальности») оказывается, что знаменитая историческая школа в политэкономии занималась не фундаментальной наукой, а лишь прикладной, да и то вспомогательной – историей народного хозяйства. Такой вывод напрашивается из выдвигаемого исторической школой методического положения, что невозможно в экономике создать какую-либо теорию, т.е. фундаментальная экономическая наука исторической школой полностью отрицалась. Конечно, материал, собранный исторической школой, позволяет прийти к каким-то выводам и собранный материал – лишь обобщенный опыт, но опыт никак не теория и, следовательно, не фундаментальная наука.

Как известно, немецкая историческая школа трансформировалась в социологию, которая согласно Веберу начинается там, где обнаруживается, что экономический человек – слишком упрощенная модель человека. В современных условиях социология или специалисты, проповедующие социологию, чтобы не потерять родных корней и почву для исследований пытаются превратить ее в экономическую социологию, т.е. заниматься экономическими проблемами. Но попытки привязать социологию к экономическим исследованиям не способны превратить экономическую социологию в фундаментальную экономическую науку.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПО ПРЕДМЕТУ НАУКИ

Предметные области отдельных экономических наук нередко почти совпадают или перекрывают друг друга; порой различия заключаются лишь в цели, порядке и методе изучения. Конечно, любая наука определяется не только своим предметом. Но ее границы в любом случае не могут быть установлены без его определения. Ведь предмет - практически круг вопросов, изучаемых в дисциплине. Уточнение предмета экономической (как и других) науки – закономерно. Однако, часто, когда изменяются условия, корректируется и предмет. И дело не только в том, что каждая из наук изучает один и тот же объект, но имеет разные предметы исследования. Однако более широкий предмет изучения и исследования делает науку безграничной, что не способствует прояснению и пониманию дисциплины.

Существующие трактовки экономической науки определяют менее узкие или более широкие границы её предмета, оставляя соответственно большее или меньшее поле деятельности для других отраслей общественности (социологии, истории, культурологии, политологии).

Политическая экономия занимается и провозглашает своим предметом наиболее общие экономические законы. В результате она служит методологией для разработки остальных наук, являющихся прикладными и различающихся по уровню и структуре изучаемых явлений.

Однако, согласно знаменитому определению известного экономического методолога Л. Роббинса, «Экономическая наука - это наука, изучающая человеческое поведение с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное употребление»^{iv}.

Разумеется, такой методологический подход Economics имеет свою специфику к исследованию экономических явлений и процессов и в силу этого он существенно отличается от политэкономического подхода. Кроме того, как полагают Р. Липси и П. Штайнер, сегодня предмет «Economics рассматривается в гораздо более широком смысле, чем даже полвека назад»,^v т.е. он даже не устоялся и медленно дрейфует в выборе предмета экономической реальности.

В настоящее время определение предмета экономической теории, как кальки Economics, на наш взгляд, является не совсем точным и не соответствующим требованиям, предъявляемым к определению экономической науки. Наиболее известны трактовки предмета экономической теории (Economics) как «проблема выбора», в другом

варианте «эффективное использование ресурсов», что, так или иначе, подводит к проблеме выбора между альтернативными решениями. Однако провозглашение проблемы выбора сводит предмет экономической теории (Economics) к проблеме принятия решений или просто к менеджменту, - науке, занимающейся разработкой подобных проблем – науке об управлении. Самостоятельная наука об управлении может считаться экономической лишь при условии, что занимается управлением и экономическими процессами. В результате становится понятно, что Economics (экономическая теория) не фундаментальная экономическая наука.

Однако существует и другой критерий определения направлений экономических исследований: не предмет экономической науки, а гуманитарный подход к экономическим явлениям и процессам – подход, за которым скрывается институциональный подход к экономическим явлениям и процессам.

Характерное для экономистов «институционального» направления стремление включить внеэкономические явления в собственно экономические исследования нашло отражение в изменении термина «институт», который является предметом исследования и который дает название всему направлению. Как известно, направление институционализма характерно не совпадая в определении «института» специалистами указанного направления, что позволяет рассматривать институционализм как течение, не имеющее границ. Для подтверждения указанной мысли следует указать, что понятие «институт», введенное Т.Вебленом, оказалось наполненным совершенно другим содержанием. Но, как известно, смена содержания требует и смены категории, отражающего его, т.е. термина «институт», что до настоящего момента не сделано. Приведенная мысль позволяет оспорить название институциональная экономика, а использовать выражения «экономика под воздействием (влиянием) институциональных факторов» или «воздействие на экономику различных институтов».

О СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Термин «политическая экономия» имел за историю своего существования разные значения. В момент своего появления в 1615 году (в работе меркантилиста А. Монкретьена, «Трактат политической экономии» [«Traite d'economie politique»]) он означал науку об управлении государством национального хозяйства. В процессе развития термин «политическая экономия» постепенно менялся и, как отмечалось в достаточно известной работе, под ним понималась наука, исследующая «такие отношения, которые направляются на удовлетворение материальных потребностей людей, стремятся

ко всему тому, что касается благосостояния людей»^{vi}. Как нетрудно понять из цитаты, непосредственно предмет науки политэкономии, ее цели и задачи формировались и формулировались постепенно, и постоянно уточнясь.

Политическая экономия прошла путь от изучения методов организации своего национального хозяйства и теоретического осмысления хозяйства до способов организации мирового хозяйства в интересах будущего своей национальной экономики или некоего иного, становящегося корпоративного наднационального мирового хозяйства. В общем, политическая экономия для общества складывалась как наука, объясняющая это общество.

В сегодняшнем мире нет единой науки «Политическая экономия». В российскую экономическую науку вместо псевдомарксистской политэкономии, сформированной в советский период, внедрился набор новых теорий и концепций, которые хотя и отражают «достижения» экономической науки, но лежат на позициях, противоположных трудовой теории.

Ведь никто не усомнится в том, что существующие теории развивались (разрабатывались) учеными, для которых характерно стремление к широким обобщениям при принятии стратегических решений, которые часто выступали в роли консультантов определенных политиков. Однако экономическая наука развивалась за счет усилий практикой, а часто и публицистов, погруженных в экономическую эмпирию и увлеченных тактической борьбой внутри науки и политической (идеологической) борьбой вне науки. Многие теории создавались для обоснования существующей практики, а деньги на их разработку выделялись не сторонниками трудовой теории. Здесь уместно напомнить, что Кейнс свою теорию разрабатывал с целью «уничтожить рикардианские основы марксизма». Но рикардианские основы – теория трудовой стоимости.

В настоящее время в мире западных стандартов высшего экономического образования наблюдаются постоянные попытки скорее не отделиться, а отделаться от политической экономии, которая сформировалась, в основном, как теория трудовой стоимости, полностью убрав ее из рассмотрения, заменить политэкономия *economics*. Именно заменить, а не дополнить ее. Конечно, с элементами трудовой теории стоимости знакомят студентов западных университетов, но примерно так же, как советским студентам излагался общий кризис капитализма.

Современная «Экономическая теория» по своему содержанию, объекту и предмету и рассматриваемым вопросам является русским дубликатом американских учебников, т.е. дубликатом *Economics*. Внедряющих курс *Economics* мало беспокоили проблемы перевода смысла и значения категории *Economics*, имеющей самостоятельное значение в

английском языке, но не имеющей аналогов в русском. Им требовалось хорошо и быстро подсуетиться, чтобы получить деньги, выделяемые на внедрение. Но известная мудрость гласит: «Не суетись ...». В результате курс Economics в русской трактовке стал называться ошибочно и неверно экономической теорией.

В связи с этим, следует разобраться со смыслом понятия «экономическая теория». Дисциплина под названием «экономическая теория» введена в учебные планы высших учебных заведений России с конца 1991 г. вместо «политической экономии». Однако «экономическая теория» для названия предмета, изучаемого в университетах - неправильное словосочетание. Ее просто не может быть по определению.

В БСЭ дается следующее определение теории. «Теория - в широком смысле - комплекс взглядов, представлений, идей, направленных на истолкование и объяснение какого-либо явления; в более узком и специальном смысле - высшая, самая развитая форма организации научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существенных связях определенной области действительности - объекта данной теории.

По своему внутреннему строению теория представляет внутренне дифференцированную, но целостную систему знания, которую характеризуют логическая зависимость одних элементов от других, выводимость содержания теории из некоторой совокупности утверждений и понятий - исходного базиса теории - по определенным логико-математическим принципам и правилам»^{vii}.

По современным представлениям, теория - это система достоверного знания о том или ином «фрагменте» действительности, которая описывает, объясняет и предсказывает функционирование определенной совокупности составляющих его объектов. Теория, овладев умами, заставляет фильтровать опытные данные, становится плотиной на пути действительного познания явлений.

Из указанного определения «теории», следует однозначный вывод, что в экономической науке, как и любой другой, может существовать множество теорий, по-разному объясняющих реальную действительность. Современный курс «экономической теории» при «революционном» внедрении курса в учебный процесс, никак не отвечает задачам, поставленным перед целостной и взаимосвязанной теорией.

Если бы речь шла просто о выборе того или иного названия, то, в конечном счете можно было бы согласиться с любым из них или каким-либо другим, но вопрос заключался в ином - в междисциплинарных отношениях, объектах и степени толкования объективной реальности.

Современная экономическая теория (Economics), представляющая огромную совокупность различных теорий тех или иных авторов, среди которых много известных экономистов, имеющих мировой признание, в то же время не позволяет логично и последовательно излагать и объяснять полную совокупность явлений, происходящих в экономике. Существующая экономическая наука, объединенная англосаксонской школой в Economics, давно раскалывается на огромное число противоречивых «теорий», различающихся по тому, на каком из положений они акцентируют свое внимание, а излагать курс очень легко в разных комбинациях ее разделов.

По своей структуре Economics представляет большой набор теорий различных авторов мало связанных или совсем не связанных между собой единой логической цепью и не представляет единую (единственную) экономическую теорию. В результате оказывается, что Economics вообще не фундаментальная экономическая наука, а скорее комплекс прикладных дисциплин, в которых обобщенный опыт претендует на создание теорий, имеющих фундаментальный характер.

Словосочетание «экономические теории» охватывает большое количество идей и направлений в экономической науке. Каждое направление может претендовать, а очень часто и претендует, на название самостоятельной науки. Как представляется, не найдется ни одного экономиста, который согласится назвать существующую кучу экономических и якобы экономических теорий логически упорядоченной теорией, которая подразумевает единственное число.

Как представляется термин «экономическая теория», которым постарались заменить слово Economics, применим к области (сфере) экономического знания лишь в единственном случае, когда все существующие экономические и/или якобы экономические теории будут упорядочены в четкую и органическую (логическую) структуру, т.е. когда экономическая наука достигнет совершенства.

Подобное состояние в привычных терминах российскому теоретику можно определить следующим образом – когда политическая экономия в широком смысле будет завершена. Достигнутое состояние экономической науки, когда все экономические знания об обществе объединены одной теорией, когда построена единая теория экономического развития общества, ФХайек называет «метатеорией». А модель, построенную на основе единой теории, К.Маркс, поскольку в те времена категории «модель» и «моделирование» не являлись популярными, называет «универсальной отмычкой».

Необходимое создание общей теории приводит к тому, что частные разработки могут все более и более обязаны входить в общую теорию или, лучше сказать, науку, которая представляет собой мета-теорию.

Для всех занятых экономической наукой понятно, что никакой «метатеории» или «общей экономической теории» на текущий момент не существует и не один из экономистов не решится назвать огромную кучу современных теорий единой теорией, а, следовательно, называть кучу теорий «экономической теорией» в единственном числе неверно и ошибочно.

О НАЗВАНИЯХ НАУК

Одновременно существует некоторая неопределенность во взаимосвязи наук, претендующих на глубокое понимание экономических процессов общества, вызванная существованием самостоятельных научных направлений, претендующих на собственное название и собственный предмет исследований. Одним из самых продолжительных и интенсивных, особенно в России, оказался вопрос о содержании и смысле самого названия данной науки, поскольку внедрение западных стандартов потребовало и смены названия дисциплины, ранее именовавшейся политической экономией. Причина «смены вывески» заключается в политических выводах из научной дисциплины, которых она не может избежать.

Понятие «теоретическая экономия» противопоставляется «политической экономике». Здесь уместно заметить, что выражение «теоретическая экономика» является попыткой заменить неверное и неточное выражение «экономическая теория», поскольку является лишь синонимом категории «экономическая наука» или категории «экономическое знание». С таким же успехом выделяемый раздел экономической науки можно назвать «фундаментальная наука», «чистая», абстрактная и т.д., поскольку характеристика предмета – теоретическая, или фундаментальная, или «чистая» и проч., не определяют ее предмет, а лишь отграничивают область знания об экономике, а предмет любой научной дисциплины и ее название формулируются отдельно.

Например, термины «Politische economie» (с немецкого), «Political economy» (с английского), («Economic politicve») (с французского) переводятся только как «Политическая экономия», но не являются таковыми в российском понимании (политической экономией по-русски). В западном понимании политическая экономия тождественна термину экономическая политика, такую точку зрения все больше разделяют российские экономисты.

Кроме того, перевод термина «Economics» на русский язык как «Политическая экономия», «Экономическая теория», «Экономика» и т.д. является неточным и некорректным.

О современном смысле слова можно справиться в Англо-русском словаре Миллера: «economics» переводится как 1) экономика; народное хозяйство; 2) политическая экономия^{viii}, а «economy» - как 1) хозяйство; national «народное хозяйство; 2) экономия, бережливость; 3) сэкономленное; 4) структура, организация^{ix}. И еще одна немаловажная деталь: словарь содержит ремарку относительно грамматической особенности слова «economics» - оно хотя и стоит по форме во множественном числе, но употребляется как в единственном. Здесь уместно отметить, что многозначность слова никак не способствует уточнению понятий, которое вновь поднимает проблему использования языка для развития науки.

Конечно, термин economics не единственное слово в английском языке, а английский язык не единственный, в котором определенные слова требуют развернутого перевода на другой язык. Именно для точного перевода термина economics внедрившим западные стандарты экономического образования помогла бы классификация экономических дисциплин, способная провести четкие границы между дисциплинами. Одновременно существующая проблема перевода ставит проблему использования того или иного языка для развития фундаментальной экономической науки.

ПО КРИТЕРИЮ ИСТИНЫ

Сразу уместно заметить, что классификация дисциплин по критерию истины невозможна, но возможен анализ теорий, входящих в ту или иную науку (дисциплину).

В существующем изложении теории и модели Economics, которые выдаются за истину в последней инстанции, совершенно не способны пройти критерий истины, т.е. не обладают предсказательной силой, и, соответственно, включенные в Economics теории не истинные, неверные. В результате напрашивается вывод, что, если Economics — это ящик с инструментами, которые могут представляться и изящными с точки зрения отдельных экономистов, но которые совершенно бесполезны для решения практических задач, возникающих перед специалистами. Используя знаменитое определение Economics как «ящика с инструментами», следует указывать, что это ящик с ненужными (бесполезными) инструментами.

Проникшие в страну многочисленные западные теории того, какой должна быть экономика и как ее нужно создавать, требуют достойного ответа – критического анализа

теорий, а также их претензий по полному объяснению существующей реальности. Несостоятельность большинства этих теорий понятна даже не специалистам по экономике.

В результате становится понятным, по каким причинам в фундаментальной экономической науке существует кризис, поскольку теории, изучаемые в ней ни в какой мере не способны помочь в экономической реальности. А преподавать «ненужные» теории приходится по простой причине – других просто нет или их не хотят искать, т.е. развивать науку.

РАЗДЕЛЕНИЕ НАУКИ ПО ОСНОВАНИЮ НОРМАТИВНАЯ – ПОЗИТИВНАЯ

В экономической теории существует ее разделение на позитивную (дескриптивную) и нормативную. В наиболее общем виде, разница между этими двумя основными понятиями заключается в том, что позитивная экономика изучает (отвечает на вопрос) то, **«что есть»**, а нормативная - то, **«что должно быть»**.

Из упомянутого разделения вопросов, на которые отвечает позитивная или нормативная экономическая наука, можно сделать и вывод о нормативном или позитивном знании о реальных экономических процессах. Однако, ответ на вопрос «что?» предполагает в зависимости от ситуации и оценок разные варианты ответов, как и ответ на вопрос «почему?». Если в первом случае узнается сущность течения процессов и явлений, то во втором - причины их протекания. Для экономической науки для осуществления прогнозов важно знать ответ на вопрос «почему?».

С методологической точки зрения экономика занята изучением не только того, «что есть», но и как функционирует народное хозяйство в целом. При подобном подходе к изучению реальной действительности предполагается создание наукой некоторого идеала о наилучшем порядке функционирования экономики, а создание идеала уже близко к положению о том, что «должно быть» (но не цель как недостижимый идеал, а идеальный механизм функционирования экономики).

Но подобный подход все-таки характеризует и предполагает нормативную экономическую науку, а не позитивную. То есть, объявляя свою науку позитивной, западные экономисты пытаются протолкнуть идею о том, что теория способна сказать, что должно быть и обладает нормативным характером.

Как представляется, более точным употреблением терминов позитивной и нормативной экономической науки следует считать уже известные категории - объективные процессы и партийный (идеологический) взгляд на экономику. Партийные

позиции, как более понятные рядовому человеку, всегда можно соотнести с нормативными суждениями, ибо любая партия всегда отстаивает ту или иную свою позицию, отражающие ее нормы на происходящие события, нормативную точку зрения. Если экономисты более вольны в интерпретации своих данных, то либо вольности необходимы и вызваны необходимостью получить какие-либо выводы, либо демонстрируют стремление уйти от тех путей научного исследования, которое заставит ученых сделать другие выводы из «гипотетических» данных.

Влияние идеологии заключается, например, в интерпретации фактов, в отборе альтернатив для рассмотрения, в выборе между вариантами решения. Поэтому можно утверждать, что за экономическими спорами почти всегда стоят сугубо идеологические противоречия. Ценностные ориентиры в науке, однако, определяются не столько проблематикой, т.е. не столько через объекты, сколько через круг людей, убежденных в безусловности самой этой ценностной сферы.

Современное экономическое образование, с внедрением мейнстрима в качестве основы учебников по экономической теории скрывает **идеологию**, которая маскируется под разделением экономической науки на нормативную и позитивную.

ВЫВОДЫ

Существующие и возникающие проблемы легко объясняются положением, что **давать образование - это значит править**. И какие теории для своего будущего будут изучать студенты, во многом определяет, как положение самих студентов, так и будущее положение экономики.

В настоящее время невозможно найти несколько экономистов, одинаково отвечающих на вопрос об экономической структуре и составе ее элементов, что позволяет предположить индивидуальное видение (интерпретацию, т.е. субъективный подход) конкретной экономической ситуации. Современная фундаментальная экономическая наука демонстрирует высокую степень неопределенности.

Политическая экономия как классическая наука, сформированная на базе трудовой теории, не решив некоторые фундаментальные задачи, выдвинула цели, которые стали казаться обществу непригодными для общественного развития. Еще Й.Шумпетером в знаменитой работе «История экономического анализа» отмечалось, что признание трудовой теории ведет к признанию социальной революции. Выполняя общественный заказ, экономисты вынуждены искать иные постулаты и решения, что привело к использованию не столько методологически философских, сколько формально-

математических методов познания. Возникшая новая методология, в конце концов, сделала свое дело. С ее помощью сконструирована «фундаментальная» экономика, удовлетворяющая формально-математическому подходу, но не способная вобрать в себя и давать знания, получаемое с использованием философских методов.

В конечном итоге для экономической науки необходимо найти основы и понятия в существующей путанице разнокалиберных теорий того, что можно назвать порядком, выяснить основания классификации в целом и классификации экономических дисциплин, в частности, чтобы разобраться в большом количестве экономических явлений и упорядочить их, придать им стройность научной дисциплины. И тогда окажется, что для отождествления политической экономии и Economics нет оснований. Ведь уже давно отмечалось, что «многие положения «economics» граничат с бессмысленностью, что признают авторы этих теорий».^x

Как представляется, не требуется делать из термина политическая экономия политического фетиша, который сделала из нее западная экономическая наука. Несмотря ни на какие ухищрения западной экономической мысли, политическая экономия являлась и является фундаментальной экономической наукой. Все другие экономические дисциплины - прикладные, которые уже разделены на функциональные, отраслевые и вспомогательные. Особо следует подчеркнуть, что «Economics» как наука возникла и развивалась как антипод науки «Политическая экономия».

Любая классификация, в том числе и экономических дисциплин, может выглядеть убедительной, но не может служить доказательством. Однако некорректная классификация запутывает и подталкивает к ложным выводам. Нужны усилия, чтобы не поддаться массовой путанице, если первоначальная классификация и демаркационная линия между дисциплинами проведена неверно. Всегда найдется возражающий, который не согласен с предлагаемой группировкой, считая ее второстепенной или искусственной, поскольку любая классификация - всего лишь интеллектуальная конструкция, и феномены внешнего мира могут классифицироваться по-разному. Естественная классификация должна указывать на возможности дальнейшего развития, обнаруживать и заполнять «пустые клетки» в имеющемся спектре концепций. Инвентаризация теоретического багажа кроме пользы ничего не принесёт экономической науке.

В то же время в современных условиях существующие парадоксы развития современности не в силах объяснить ни одно экономическое течение. Простое сваливание в одну кучу разнородных материалов (теорий) при изучении не облегчает, а, наоборот, затрудняет познание. Необходимая классификация экономических дисциплин может способствовать упорядочиванию экономического знания и структурировать его. Поэтому

обсуждение предмета фундаментальной экономической науки – объективная потребность для уточнения общих и частных принципиальных проблем и вопросов.

До настоящего времени политическая экономия - единственная дисциплина экономической науки, которая обеспечивает методологию формирования научного звания. Цель политэкономии - открытие экономических законов, управляющих хозяйством любой страны. Однако для определения фундаментальности любой выделяемой экономической науки (дисциплины) и оспаривания «фундаментальности» предмета политической экономии следует выделить ее собственный предмет и сравнить с предметами других наук, претендующих на фундаментальность исследований в экономике.

Смысл политической экономии в том, чтобы познать, а затем и разработать лучшие формы экономического существования общества. Но ее выводы, безусловно, требуют политических решений. Однако, она не сводится к экономической политике, как традиционно понимают ее современные зарубежные авторы. Последняя суть политика государства в области экономики. Но сфера политических решений значительно выходит за пределы рекомендаций политэкономии, так как учитывает множество факторов, воздействующих не только на экономику, но и другие сферы общественного бытия и здесь тоже нужна демаркационная линия между политикой и экономикой.

Концептуальное столкновение традиционной политэкономии и современного Economics при классификации дисциплин, вероятно, может дать определенные результаты, так как стимулирует творческий процесс в области экономической науки. Вероятный победитель пока не определен, поскольку экономическая наука, так или иначе завязана на политику, но то, что одного из направлений, в конце концов, не будет, не подлежит сомнению.

С фрагментарностью экономического знания можно бороться лишь созданием единой универсальной теории. Однако в настоящее время системное экономическое знание о реальной действительности все еще на пути к созданию столь желанной теории. А в образовательном процессе пока используются частные экономические теории, которые в реальной экономике редко приводят к успехам.

В качестве вывода из вышеизложенного следует предложить вернуть политическую экономию как фундаментальную экономическую науку, в т.ч. и в образовательный процесс. Для нового изложения требуется разработать новую программу, включив в нее современные разработки западной экономической науки, которые увязаны с экономической реальностью.

С.И. ЦЕЛУЙКО

Будущность политэкономии как науки

Вопрос о будущем политэкономии как науки не может не возникнуть, когда экономическая наука в целом находится в состоянии кризиса. Кризис экономической науки состоит, как собственно и любой другой науки, - в отсутствии, во-первых, норм и правил, обеспечивающих решение конкретных практических, в данном случае хозяйственных задач, во-вторых, в постоянном столкновении с непредсказуемыми последствиями экономических решений, которые с одной стороны, являются результатом чьих-то непродуманных действий, с другой стороны, результатом некритичного применения рекомендаций самой экономической науки. Почему это происходит?

Первое. Политэкономия, как известно, есть дисциплина, изучающая общественные отношения, т.е. как могло бы показаться, отношения между людьми. Однако, во-первых, политэкономия может изучать общественные отношения либо с позиций достижения общих, либо с позиций достижения частных интересов. Во-вторых, политэкономия изучает пути достижения общих или частных интересов либо с позиции подчинения, либо с позиции диктата одних интересов над другими. И поэтому, в-третьих, политэкономия не изучает отношения между людьми с их интересами, выражают ли они эти люди своими действиями частные или общественные интересы, а изучает столкновение этих интересов самих по себе. Изучает столкновение которые отражают лишь требования, предъявляемые уровнем развития производительных сил.

Второе. Исследовательская дисциплина становится наукой когда (и если) может предложить методы получения нового знания. Какие новые знания предложила политэкономия за весь 70-летний послевоенный период? Или, хотя бы, от каких устаревших форм хозяйственной активности экономическая наука призвала отказаться? Я уже не говорю о методах. Декларируя необходимость применения диалектической логики, исследователи до сих пор в массе своей не считают обязательным руководствоваться даже четырьмя основными методами формальной логики.

Понятно, в чём состоит кризис. Но каковы причины этой болезни?

Во-первых, экономическая теория в той или иной степени является результатом имеющегося заказа обосновать неизбежность действий определённого рода. Это может быть прямой заказ как в случае с «Богатством наций» А.Смита, который выполнял заказ ставшего впоследствии графом виконта Тауншенда. Это может быть и социальный заказ вошедшего в силу прусского государства или нарождающегося тред-

юнионизма как в случае с К.Марксом. Какие заказы выполняет нынешняя политэкономия?

Во-вторых, ни общие интересы не являются результатом сложения интересов частных, ни частные интересы не есть совокупность интересов частных лиц или субъектов экономической активности. Можно привести множество примеров стремления либо к реализации частных, либо общественных интересов. Стремление к реализации частных или общих интересов само по себе ни на что не указывает: интересы только тогда могут быть признаны общественно значимыми, если эти общие или частные интересы соответствуют задачам экономического развития. Но в любом случае претензии на обоснованность тех или иных интересов должны быть задекларированы. В любом случае социальный заказ должен быть зримо обозначен в парадигме достижения либо частных, либо общих интересов. Когда же предлагаемые нормы и правила обеспечения частного или общего интереса либо не могут быть предъявлены зримо, либо, применяясь тайно – отвергаются сообществом, либо же скрываются за утверждениями за ними противоположных интересов, - начинается болезнь.

В-третьих. Характер предлагаемых экономической наукой норм реализации общих или частных интересов в рамках того или иного типа социального заказа не может быть понят вне рассмотрения их с позиций экономического мотива хозяйственной активности, являющегося основным на данном этапе. В настоящий момент можно выделить 7 основных мотивов, могущими быть значимыми для ныне действующих хозяйственных систем. Но в рамках существующей парадигмы политэкономии принято полностью игнорировать основной экономический мотив в процессе экономического анализа.

В-четвёртых. Направление экономического анализа оторвано от направленности достижения интересов, а математические методы оторваны от понимания экономического смысла происходящих процессов.

В-пятых. Нет понимания того, как в рамках экономической науки или хозяйственной практики может быть организован и может ли вообще иметь место хозяйственный эксперимент.

Это причины кризиса экономической науки в самом общем виде.

Как всё сказанное влияет на понимание хозяйственной роли рыночных отношений. Что такое рыночные отношения с позиций соотношения частных и общих интересов. Это не отношения по поводу более или менее свободных или подверженных регламентации правил продажи благ и ресурсов, как нам пытаются представить т.н. либеральная наука. В первую очередь надо понять, что реализация рыночных отношений

зависит от достигнутого объёма производства, объёма и характера вовлечения в производство трудовых, технических и финансовых ресурсов. И методы организации (я уже не говорю о регулировании) рыночных отношений применимы к разным субъектам хозяйственной активности не в равной степени. Во-вторых, организация рыночных отношений зависит от целей экономического развития. И при смене вектора цели рыночные отношения могут и должны быть модифицированы, их действие должно быть ограничено или интенсифицировано без какого-либо указания на их положительное или негативное влияние на экономическое развитие вообще. Потому что наличие или отсутствие рыночных отношений самих по себе не может оказывать ни положительного, ни отрицательного влияния на экономическую динамику. И, в-третьих. Товарно-денежные отношения не являются раз и навсегда данными. Они развиваются по мере изменения уровня развития производственных отношений. Хотя экономическая наука, не отрицая в принципе это утверждение, фактически до сих пор не имеет общей теории развития товарно-денежных отношений.

В.В. ЧЕКМАРЕВ

Политическая экономия как составляющая часть экономической теории

Проведенный в 2013 году первый международный политэкономический конгресс дал возможность продемонстрировать различные взгляды на роль и место политической экономии в структуре экономической теории. Особенно ярко и точно обозначили свою позицию А.А. Пороховский и К.А. Хубиев. Однако нельзя не отметить, что в последнее время все более настойчивыми становятся призывы и усилия к восстановлению марксистской политической экономии в ее былых правах как методологической базы для всех других экономических наук. Происходит это по причинам объективного и субъективного характера.

К числу объективных относятся, прежде всего, условия, связанные с ходом экономических реформ в России. По ряду обстоятельств, анализ которых вывел бы нас далеко за пределы предмета данной работы, в ходе российских экономических реформ сформировалась нищета большей части населения на фоне сказочного обогащения новой и прежней номенклатурной и финансово-спекулятивной элиты. Ни наполненные товарами прилавки магазинов, ни небывалые в нашей стране свободы не могут погасить тоску по старым, «добрым», советским временам с их государственным патернализмом и социальной защищенностью.

К причинам субъективного характера следует отнести значительные трудности для многих политэкономов, досконально изучивших все четыре тома «Капитала» К. Маркса,

отказаться от его методологии, освоить весьма сложное, многообразное методологическое богатство современной мировой экономической науки. Такие трудности нередко умножаются особенностями возраста советской экономической профессуры, воспитанным обращением к чуждым идейным влияниям.

Другим аспектом проблемы является появление нового поколения экономистов, бравирующих тем, что они Маркса не читали, но априори полагают, что классическая политическая экономия не даёт знания об объективных законах, регулирующих экономические отношения, что частные экономические интересы получили приоритет по сравнению с интересами государственными.

Субъективное и объективное в понимании места и роли политэкономии не раз рассматривалось в работах российских экономистов. Но, видимо, проблема осталась. А раз так, то нужен серьезный разговор, требуется большое пространство для обсуждения. Укажем лишь на несколько принципиальных положений. **Первое.** Марксистская политэкономия возникла как критика всех других экономических учений, в противостояние им, в неприятии любых проявлений «буржуазной», «вульгарной» политэкономии. Она всегда существовала вне общего русла мировой экономической мысли, отторгая все то, что не соответствовало ее методологическим постулатам. Это очень похоже на защиту ортодоксальной религии от любого отклонения от её догматов. Поэтому выглядят странными современные призывы к сочетанию марксизма с другими научными направлениями.

Второе. Марксистская политэкономия конфронтационна по самой своей природе. К. Маркс видел свою задачу в раскрытии внутренних противоречий капиталистического строя, ведущих его к гибели и к торжеству социализма. Это не научный поиск путей развития, совершенствования, оптимизации экономической системы, а обоснование необходимости её ликвидации. XIX век давал реальную пищу для такого мировоззрения: нищета пролетариев, несправедливость труда, неограниченная эксплуатация труда капиталом, экономические кризисы, классовые столкновения. Вот и сейчас нередко пытаются направить энергию политэкономических публикаций на разоблачение «антинародного курса», «дикого капитализма», на подогрев недовольства ходом реформ, классовую конфронтацию.

Третье. В нашей прежней официальной идеологии политэкономия, диалектический и исторический материализм, научный социализм образовывали три составные части марксизма. Между частями этими глубокая связь. В.И. Ленин рекомендовал «Капитал» К. Маркса для изучения диалектической логики. Сущность и явление, содержание и форма, их развитие в противоречиях, соотношения частного и

общего, абстрактного и конкретного, заимствованная у Гегеля диалектика с поворотом ее от идеального к материальному - всё это обязательные атрибуты и для современных политиков. И неважно, что за полтора века философская мысль прошла огромный путь в миропознании, обогатилась принципиально новыми методологическими подходами. С другой стороны, марксистская политэкономия дает важнейшее обоснование теории научного социализма - идее построения общества, которая в исторической проверке оказалась утопической.

Четвертое. Традиционная политэкономия была обращена не к человеку, не к его экономическому поведению. Человека в ней вообще нет. Есть общественные классы, классовые интересы, экономические отношения между классами. Капиталист - персонифицированный капитал. Рабочий - носитель рабочей силы. В отношения вступают не люди, а капитал и труд. Исследуются фетишизированные отношения. Поэтому в 20-х годах среди советских экономистов распространилось мнение, что расфетишизация экономических отношений означает конец политэкономии как науки.

Пятое. Теперь об экономических законах. Главное место в марксистской политэкономии принадлежит законам стоимости, прибавочной стоимости и капиталистического накопления. Суть закона стоимости в её определении общественно необходимыми затратами труда. Трудовая теория стоимости не принята современной мировой экономической наукой. Исключение из процесса создания валового внутреннего продукта, как и продукта отдельной фирмы, производительного вклада земли и природных ресурсов, капитала, предпринимательства искажает сам этот процесс. А многочисленные попытки советских экономистов предложить методику редукции труда (Гомберг), найти количественное выражение ОНЗТ (общественно необходимых затрат труда) положительного результата не принесли. Еще хуже обстоит дело с приложением законов прибавочной стоимости и капиталистического накопления (включая постулат обнищания пролетариата) к современным реалиям в странах с развитой рыночной экономикой.

«Капитал» К. Маркса всё же привлекателен мощностью мысли, многими провидениями. Его изучение студентами способствовало развитию их интеллектуального потенциала. Мысль о товаре как клеточке капиталистического производства корреспондируется с современной генетикой. Производительная сила кооперации адекватна явлению эмерджентности в современном системном подходе. Механизм образования средней прибыли путем межотраслевого перелива капитала весьма сходен с современными представлениями о чистой, совершенной конкуренции. Формула, определяющая количество денег, необходимое для обращения, на десятилетия опередила

аналог, названный законом Фишера. Но в целом - перед нами образец (можно сказать гениальный) того, что получается с самым глубоким научным исследованием, если оно подчинено заранее заданным выводам. К тому же оно застыло в том виде, в каком было разработано почти полтора века назад.

Каково же реальное место политэкономии в современной экономической науке? Определим свою позицию

Современная экономическая наука включает в себя самые разнообразные теории и течения наряду с основным руслом - неоклассической экономической теорией (А Маршалл, Д. Кларк, Л. Вальрас, Д Хикс и др.) Она опирается на методологию Д. Кейнса, применяет подходы релятивистской, эволюционной теории, широко использует концепцию институционализма. Объекты исследования высвечиваются с разных сторон с применением тех теоретических подходов, которые тот или иной аспект проблемы глубже анализируют.

При этом расхожим заблуждением приходится считать утверждение, будто современная экономическая наука игнорирует проблемы экономических отношений, а занята исключительно экономическими механизмами. Это совсем не так. Через механизмы функционирования выявляются закономерности экономического поведения субъектов как динамическое выражение их экономического положения и отношений. Когда, например, исследуются механизмы рынка труда, то обязательно раскрывается монополистические тенденции в поведении работодателей, в необходимости монополистического объединения наемных работников через профсоюзы, определяется пространство для компромисса в стремлении к справедливой заработной плате. Разве это не экономические отношения? И это относится к другим проблемам экономики.

Но мир экономики изменился принципиально. Появились такие факторы производства как информация. Разрабатывается подраздел политической экономии: новая политическая экономия как политэкономия информации. Экономические взаимодействия как экономические отношения, как часть человеческого поведения делают значимым по-иному определять содержание политической экономии в рамках экономической теории. Тезисно это можно определить следующим образом. Политическая экономия современности представляет собой часть экономической теории, дающую ответ на вопрос: в чьих интересах? Можно полагать, что другими частями являются экономика (отвечает на вопрос – как эффективнее?) и экономическая политика (отвечает на вопрос – при каких условиях?).

М.В. ЧЕРНИКОВ

Политэкономическая проблема России

Россия, казалось бы, вполне благополучная страна, обладающая многочисленными и разнообразными ресурсами. Однако, по мнению международного экспертного сообщества, лишь ¼ территории России считается пригодной для условно-комфортного проживания.

Для России в целом характерны долгая зима с глубоким промерзанием почвы (отсюда необходимость поддерживать длительный отопительный сезон и строить прочные, имеющие мощный фундамент капитальные сооружения) и относительно короткое, неустойчивое в погодном отношении лето – отсюда низкая производительность сельского хозяйства).

Россия – огромная страна, но это значит, что высоки транспортные издержки

Результатом такого положения дел является повышенная затратность производительной деятельности в России. На производство практически любого продукта в нашей стране тратится энергии и ресурсов в 3-4 раза больше, чем, например, в Западной Европе.

Капиталистическая система хозяйствования исходит преимущественно из вопросов сугубо экономической выгоды, размещая производство в тех местах и на тех условиях, которые обеспечивают максимальную норму прибыли. С этой точки зрения обнаруживается, что по критериям мировой капиталистической системы рентабельным типом деятельности в России выступает в основном добыча сырья и его первичная переработка (т.н. производство продукции первого передела).

Однако для обслуживания функционирования сырьевой экономики не требуется большой кадровый потенциал! Кроме того, надо отдавать себе отчет в том, что добыча сырья и производство продукции первого передела (удел России с чисто капиталистической точки зрения) не обладает должным мультипликативным эффектом, ведущим к развитию образования, культуры и фундаментальной науки. Социальный запрос на такого рода сферы деятельности возникает лишь в случае ориентации на производство высокотехнологичной, наукоемкой и креативно-емкой продукции высших переделов.

Соответственно, непосредственное встраивание российской экономической системы в мировую систему хозяйства (концепция открытой экономики в условиях глобализации) неизбежно будет вести к целому ряду соответствующих последствий:

- к демографическому регрессу, поскольку при таких условиях имеет место относительное переселение,
- к нарастающему расслоению в обществе (жесткая конкуренция за финансовые потоки ограниченной емкости приводит к политически обусловленной сегрегации общества, так что выделяется ограниченное число т.н. плюс-партнеров, способных проводить политику, оставляющую в нищете значительное число минус-партнеров),
- к отмиранию в силу ее нерентабельности производства продукции высоких переделов и прогрессирующей деградации фундаментальной науки, культуры, образования.

Все вышеуказанные тенденции вполне наглядно иллюстрируются развитием ситуации в постсоветской России.

С другой стороны, обнаруживается, что кадровые, научно-технические и культурно-образовательные запросы со стороны экономики первого передела, не в состоянии сохранить геополитическую целостность государства Россия. Реальный суверенитет РФ, обеспечение исключительного права собственности на природные богатства России требует мощного, эффективного, внутренне стабильного государства, опирающегося на достаточно большой человеческий капитал и в количественном (численность населения) и в качественном (образование, способность к высокопроизводительному, научно-фундированному труду) планах.

Таким образом, задача сохранения геополитической целостности России выступает как противоречащая условиям капиталистически нормального, «естественного» функционирования экономической системы России в условиях открытой глобальной экономики. Именно в этом заключается главная политэкономическая проблема России, именно от ее решения зависит характер исторического развития России в рамках мировой капиталистической системы.

Н.А. ШАПИРО

**Национальные интересы в контексте классической и
современной политэкономии**

Национальные интересы были приоритетом экономических исследований, начиная с меркантилизма. Политическая экономия во всех своих разновидностях, начиная от физиократов, классической школы и, заканчивая марксистской, является экономической наукой, которая рассматривает экономические проблемы развития общества через призму

интересов основных социальных групп или классов. Ответ на вопрос о том, насколько было адекватным понимание самой классовой структуры общества, «оставим за скобками». Выстраивая объяснение экономического развития в институционально-классовых рамках, во-первых, национальные интересы подменялись классовыми, а, во-вторых, для защиты интересов нации предлагалось два альтернативных средства: либо протекционизм, либо свободная торговля. Но и в том и другом случае предложение применить ту или иную систему «защиты» должно было государство.

Попытки идентифицировать национальные интересы вне классово-институциональных рамок предпринималась исторической школой Германии и Ф. Листом как ее предшественником. Ф.Лист не отрицал ни классической теории, ни фактов английской истории, он лишь дополнил классическую политэкономия теорией экономики нации. Он считал необходимым противопоставить "химерическому космополитизму", "дезорганизирующему индивидуализму" и "безжизненному материализму" классиков толерантный национализм, патриотизм и идею об интеллектуальных силах нации как элементе производительных сил. Средством же, обеспечения реализации национальных интересов он считал все тот же протекционизм. Историческая школа Германии настаивала на полном отказе от классовых построений классической школы и утверждала, что национальные интересы связаны с особым национальным духом. Но такой подход выводил экономическую теорию за границы научного объяснения.

Современная политэкономия, под которой понимается, так называемая, «новая политэкономия» или теория общественного выбора (public choice theory), позволяет рассмотреть национальные интересы в определенной логике социального взаимодействия между элитами и народными массами. Согласно этой теории реализация национальных интересов зависит от качества институтов. Последнее является следствием того, до какой степени институциональные предпочтения элит совпадают с потребностями и предпочтениями общества или нации в целом; существует или нет между массами и элитами конфликт интересов.

Поле взаимодействия элит и масс является процесс принятия правительственных решений, определяющий формирование экономическими и политическими элитами институтов развития. Чем острее конфликт, тем больше наблюдается дефицит институтов, отражающих национальные интересы.

Наиболее релевантной концепцией, объясняющей, почему формируются институты, не способствующие реализации национальных интересов, является концепция аутсорсинга институтов. Концепция аутсорсинга институтов дает объяснения того, почему национальные интересы, призванные быть «общественным благом», вытесняются «благами клубными» и национальные интересы вытесняются интересами элиты, обслуживающими не все общество, а не только его привилегированную часть. Причиной того является отсутствие должного уровня гражданской активности, обеспечивающего становления общества как реального субъекта институциональных преобразований.

Таким образом, низкая гражданская активность приводит к тому, что реальным субъектом и участником процесса институционального строительства становятся только элиты. Происходит передача прав от населения (масс) к элитам или «аутсорсинг» институтов.

Сами же национальные интересы не имеют однозначного выражения, как-то интересы классовые или интересы хозяйствующих субъектов. Они зависят от достигнутого уровня развития, от проблем, которые имеют место на конкретном этапе развитие общества и тех вызовов, на которые следует искать адекватные ответы с точки зрения благополучия нации, они всегда имеют конкретно-историческое выражение интересов общества.

Е.А. ШИБАНОВА-РОЕНКО

Экономическая теория кризиса: проблемы построения фундамента

Низкий КПД большого числа экономических разработок определяется крайне низкой ценой и полезностью теоретического экономического мышления. Предпринятая структуризация некоторых явных и насущных проблем вызвана засилием описательных тенденций в кризис-ориентированной литературе; к тому же в процессе проведенного обзора отчетливо выявляется повышенное распространение обыденных трактовок в противовес научным дефинициям.

Вне сомнения, молодость специального кризис-ориентированного знания (*crisis management*, антикризисное управление) определяет отсутствие необходимого объема инструментального и терминологического аппарата, но главное – запросов на его мультидисциплинарный высоконаучный оборот. Это, к сожалению, дает жизнь двойственности умозаключений о природе кризиса, таксономической тавтологии, а порой и явной путанице трактовок причин кризисов и их обоснований.

Структурируем проблематику по трем группам: I) проблемы познания (*что* строим); II) образовательные проблемы (*кто* строит); III) педагогические проблемы (*для кого* строим).

I. Описания кризисов должны сопровождаться переходом к объяснению, к раскрытию основания. Этим явление связано со своей сущностью. Однако теоретическая таксономия элементного состава кризиса не имеет такого внимания, и продолжение лишь описательной линии не приведет к качественному скачку в науке о кризисах.

В подтверждение ее превалирования автором был проведен семантический и частично морфологический анализы содержательного компонента экономической статистики кризиса, относимый к наиболее развитым на основании количества информационной массы.

Определения кризиса по их содержанию можно разделить на две группы: 1) обыденная трактовка; и 2) научная дефиниция. Незамысловатая обыденная трактовка кризиса как перелом, поворотный пункт наиболее широко распространена среди современников. В научной экономической среде емким и точным считается определение: «Кризис – это крайнее обострение противоречий в социально-экономической системе, угрожающее ее жизнестойкости в окружающей среде». Для целей дифференциации был осуществлен обзор около 150 специальных источников. Дополнительной контекстной «линзой» служило отображение экономической динамики кризисных состояний. Обзор выявил, что значительная часть определений в своем семантическом ядре тяготеет, к сожалению, к обыденной трактовке (~38%) и скорее не к научной, а к обыденной (~24%). Морфологический анализ содержательной наполненности выявил ряд устойчиво-явных семантических корреляций в массиве выборки: не подчеркивается системный характер кризиса, а подчас и отрицается; поверхностно либо вообще не отражается структура кризиса и его процессный характер; обычно характеризуется кризис либо на макроуровне экономики, либо на микроуровне.

Таким образом, содержательный компонент экономического теоретического конструкта кризиса автор относит к непроработанному и плохоразвитому.

II. В дальнейшем последствия предстают не только в мыслительных задворках конкретных руководителей и даже в общем невнимании к науке, но главное – в сознательном и социально-значимом результате, который выносит молодой специалист из процесса обучения в вузе. Этот результат есть сложившийся опыт «общения» с механизмом образовательного процесса.

Вариант его работы представим на примере устойчивого мнения профессора *В. Окорокова* (ОНУ, Одесса, Украина), согласно которому *Пифагор* вкупе с *Эйнштейном*, связав количество и качество, объединили «мир в единый физико-математический континуум». Во-первых, категории «количество» и «качество» являются не математическими, но философскими, а конкретнее – объединены континуумом диалектического материализма. Во-вторых, утверждения доктора ФИЛОСОФСКИХ наук *В. Окорокова*, что «математика – чистая статическая наука... она никогда не могла описать внешний мир... ей никогда не хватало динамики» вообще, не дай бог, озвучить где-нибудь на математической тусовке. Приведем еще пример мнения специалиста в области ПОЛИТОЛОГИИ *Терри Нордона*: «Математические модели в социальных науках – это замаскированное описание практики».

Подобные разночтения не идут на пользу развитию научных отраслей. Вдобавок образовательная индустрия вносит отрицательный вклад в виде отсутствия логической структуры учебного материала, а подчас в неуместном рецептурном формате; в учебном плане антикризисное управление занимает не более 72 часов. Здесь причины кроются в системе образования: запросы компаний на экономистов-прагматиков подводят образовательные учреждения к подготовке не инноваторов и кризис-ориентированных мыслителей, а рационально настроенных, сугубо рыночных специалистов.

III. Большое число студентов отличается явным бездельем и низким уровнем мотивации к освоению знаний и навыков. В конечном итоге на рынок труда приходит молодой специалист, имеющий нелицеприятную оценку: «Выпускник слегка обучен, чуть-чуть воспитан, творчески неразвит». А далее молодой специалист-экономист слышит от руководителя примерно следующее: «Забудь все, чему тебя учили, т.к. это была теория, а сейчас начинается практика». Базой является слабость или отсутствие теоретических знаний о природе кризисных проявлений и, как следствие, их узкое – оперативно-реактивное – видение и понимание.

¹ см. :Дэн Сяопин вэньсюань (Избранные произведения Дэн Сяопина, 1975-1982). Пекин, 1983, с. 109.

ⁱⁱ См.: К вопросу о так называемом «кризисе» экономической науки». Материалы теоретического семинара. М.: ИМЭМО РАН, 2002.

ⁱⁱⁱ *System of Logic...bk.IV,ch. V11, §2*

^{iv} Роббинс Л. Предмет экономической науки // *THESIS*. Том 1. Вып. 1. 1993. С. 18.

^v А. Смирнов. О предмете и методе буржуазных курсов «экономикс» // *Экономические науки*. - 1986. - N 07. - С.87-91. С.86

^{vi} Жид Ш. Основы политической экономии. М., 1916. С.2

^{vii} БСЭ.Т.25, С.434

^{viii} Миллер В.К. Англо-русский словарь. М, 1969. с.251.

^{ix} Миллер В.К. Англо-русский словарь. М, 1969. с.252

^x Селигмен Основные течения современной экономической мысли. - М.: Прогресс. 1968. - 600с.